
VE RI
TAS

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

О. И. СЕНКОВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

въ связи съ исторіей современной ему журналистики

Solov'ev

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Соловьева

Съ портретомъ Сенковскаго, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ

ЦѢНА [redacted] КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ. 39
1891

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (5 переп.) 1 р. и 2 р.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Полное собраніе стихотвореній и вся беллетристика въ прозѣ. Въ 1 томѣ. Съ біографіей, портретами. и пр. Ц 1 р. Съ карт.—2 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА. Полное собраніе съ портретами, біографіей и пр. Въ одномъ томѣ (770 стр.) Цѣна безъ картинъ—75 к. Съ картин.—1 р. 50 к.

БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями и портретомъ. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к

МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Рѣзаны на деревѣ. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе съ 188 рис. Ц. 60 к. Въ папкѣ—75 к. въ переп. 1 р.

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО. Съ портретомъ автора и статьей Н. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО. Критич. очерки, публицист. этюды, литерат. характеристики. Цѣна за все собраніе въ 2 большихъ томахъ 3 р.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ въ государственной жизни. Профес. Гольцендорфа Ц. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ Ѳ. РѢШЕТНИКОВА. Въ 2 томахъ. Съ портретомъ автора и статьей М. Протопопова. Цѣна 2 р. 50 к. Переплеты въ 50 к. и 1 р.

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ШЕЛГУНОВА. Въ 2 томахъ. Съ портр. автора и стат. Н. Михайловскаго. Цѣна за оба тома 3 р. Въ переп. 3 р. 50 к. и 4 р.

ТУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ. Съ портретомъ Тургенева. Ц. 15 к.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ. Макса Нордау. Перев. Э. Зауеръ. Ц. 2 р.

БЕСѢДЫ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ. С. Горянской, Ц. 15 коп.

ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ, общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ В. Фармаковскій. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. А Цвѣткова. Съ портретами. Ц. 3 р.

ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ С. Приклонскаго. Ц. 2 р.

БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ. Бытовые очерки И. Тимощенкова. Ц. 1 р.

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА. А. Вахтіарова. Цѣна 1 р.

СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ. П. Мантегацца. Ц. 75 к.

БОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ. Гигіеническій романъ П. Мантегацца. Ц. 50 к.

НАШИ ОФИЦЕРСКІЕ СУДЫ. Ф. Павленкова. Цѣна 35 к.

ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА. 2-е изд. Ц 75 к.

ИСТОРІЯ КНИГИ НА РУСИ. А. Вахтіарова. Со мног. рис. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к. — **Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., ц. 3 к. — **Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к. — **Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к.—**Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к. — **Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к. — **Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к — **Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.** Съ карт., ц. 2 к. —**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 кар., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц 2 к.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт ц 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Исторія Пугачев. бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к —**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт, ц. 20 к.— **Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт, ц 10 к.—**Всѣ письма** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

15 Іюля 1891 г. Ф. Павленковъ выпустилъ дешевое изданіе СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА, иллюстрированное 115 рисунками. Цѣна 1 р.

Дозв. ценз. Спб. 23 марта 1892 г. Тип. тов. „Общ. польза", Б. Подъяч.,

О. И. Сенковскій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

О. И. СЕНКОВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

въ связи съ исторіей современной ему журналистики.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Соловьева.

Съ портретомъ Сенковскаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА [redacted] КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1892.

Книги для дѣтей и юношества.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Дорритъ, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго романа **40 к.** Въ папкѣ **50 к.**, въ переплетѣ по 6 ром. вмѣстѣ—**3 р. 25 к.**

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 46 рис. Ц. **1 р. 25 к.**, въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ пер. **2 р.**

Дѣтскій маскарадъ. *Азбелева.* Съ 16 рис. Ц. **20 к.**

Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *Бажиной.* Съ 44 рисунками. Ц. **1 р.** Въ папкѣ Ц. **1 р. 25 к.** Въ переплетѣ Ц. **1 р. 60 к.**

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Буша.* 100 рис. Ц. **60 к.**, въ папкѣ **75 к.**, въ переплетѣ **1 р. 25 к.**

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Ц. **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 50 к.**, въ переплетѣ **3 р.**

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякидэ.* Съ рисунками. Ц. **75 к.**, въ папкѣ **1 р.**, въ переплетѣ **1 р. 25 к.**

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 185 рис. Цѣна каждаго въ папкѣ **1 р. 60 к.** Въ переплетѣ **2 р.**

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Цѣна **1 р.**, въ папкѣ **1 р. 25 к.**, въ переплетѣ **1 р. 60 к.**

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Цѣна въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ переплетѣ **2 р.**

Послушаемъ! Дѣт. разсказы. *Нольде.* Съ 28 рис. въ папкѣ **1 р.**, въ переплетѣ **1 р. 35 коп.**

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.). Ц. **1 р.** „Объясненіе“ къ нимъ **5 к.**

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Ц. **30 к.**, въ папкѣ **40 к.**, въ переп. **60 к.**

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта. въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ Рой 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Ц. каждаго романа **40 к.**, въ папкѣ **50 к.**, въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ Ц. **2 р. 80 к.**

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множеством рис. Цѣна **2 р.**, въ переп. **2 р. 75 коп.**

Математическіе софизмы. 50 теоремъ доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего ц лаго, и проч. Составилъ *В. Обреимовъ.* Ц. **40**

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 85 фигурами и таблицам Ц. **1 р.** въ переп. **1 р. 75 к.**

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборник геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 30 ка тетами. Ц. **1 р.**

Образовательное путешествіе. Живописны очерки отдаленныхъ странъ. *С. Ворисгофер* 2-е изд. Съ 73 рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папк **1 р. 75 к.**, въ переп. **2 р. 25 к.**

Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодо бѣглеца. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. **2 р** въ папкѣ **2 р. 25 к**, въ перепл. **2 р. 75 к.**

Сказочная страна. Приключенія двухъ матр совъ. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. **2 р** въ папкѣ **2 р. 25 к.**, въ переплетѣ **2 р. 75**

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофер* Съ иллюстраціями. Цѣна **1 р. 50 к.**, въ папк **1 р. 75 к.**, въ переплетѣ **2 р. 25 к.**

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ под редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рисунка 8-е изд. Ц. **1 р. 50 к.** Въ переплетѣ **2 р.**

Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис. Ц. **1** **25 к.**, въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ переплетѣ **2**

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Пер. под редак. *Ф. Павленкова.* 8-е изд., съ 353 рису Ц. **1 р. 50 к.**, въ переплетѣ **2 р. 25 к.**

Сказки Густафсона. Съ рис. Цѣна **1 р. 25** въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ переплетѣ **1 р. 75**

На землѣ и подъ землей. Сборникъ разск зовъ *Галузьева.* Съ 40 рис. Ц. **1 р. 25 к.**, папкѣ—**1 р. 50 к.**, въ перепл. **2 р.**

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщик *П. Засодимскаго.* Ц. каждой книжкѣ по **35**

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Сборникъ ра сказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папк **1 р. 75 к.**, въ пер. **2 р.**

Янки Вологодскаго уѣзда. *А. Круглова.* С 6 рисунк. Ц. **25 к.**

Незабудки. *А. Круглова.* Съ 50-ю рисун. Ц **1** **50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ перепл. **2 р**

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 р Ц. **2 р.**, въ пап. **2 р. 25 к.**, въ пер. **2 р. 50**

Исторія открытія Америки. Ламе-Флери. С 52 рис. Ц. **75 к.**, въ пап. **1 р.**, въ пер. **1 р. 30**

Двадцать біографій образцовыхъ русск. п сателей. Сост. *В. Острогорскій.* Съ 20 порт Ц. **50 к.** Въ папкѣ **75 к.** Въ перепл. **1 р.**

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ. Ц. **1 р. 50 к.**, 2) **Психологія вниманія.** *Д-ра Рибо.* Ц. **50 к.**, 3) **Берегите легкія.** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. **75 к.**, 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. **1 р. 50 к.**, 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* Съ рис. Ц. **1 р. 25 к.**, 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. **1 р.**, 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли,* 2-е изд. Ц. **1 р.**, 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. **60 коп.**, 9) **Міръ грезъ.** *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, га люцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзі Ц. **1 р.**, 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* (многими рис. Ц. **1 р.** 11) **Законы подражан** *Тарда.* Ц. **1 р. 50 к.**, 12) **Геніальность и п мѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. авто и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. **1 р.**, 13) **Общ доступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* (100 рис. 2-е изд. Ц. **1 р.** 14) **Гигіена сем** *Гебера.* Ц. **50 к.**, 15) **Бактеріи** и ихъ роль жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 85 рис. Ц. **1 р.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ИСТОЧНИКИ.

О. И. Сенковскій. Полное собраніе сочиненій Спб. 1859 г. (Біографическій очеркъ при первомъ томѣ).

О. И. Сенковскій. Біографическія записки его жены. Спб. 1858.

Затѣмъ свѣдѣнія о Сенковскомъ можно найти въ различныхъ журналахъ, преимущественно историческихъ. Свѣдѣнія эти отличаются большою разбросанностью. Очень любопытны письма Сенковскаго къ Ахматовой, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ» за 1883 годъ. Стоитъ также упомянуть о статьяхъ Старчевскаго въ «Историч. Вѣст.» (1886 г.) и некрологѣ Дружинина въ Библ. для Чт. за 1858 г.

Кромѣ того кое-что взято нами изъ книгъ г. Котляревскаго (М. Ю. Лермонтовъ) и Мих. Бор. на (Происхожденіе славянофильства).

I.

Вмѣсто предисловія.

Характеристика русской журналистики вообще.—Журналистика 20-хъ и 30-хъ годовъ. — Н. И. Полевой и «Московскій Телеграфъ». — Надеждинъ. — «Телескопъ».—«Система» эпохи Николая I-го.—Судьба интеллигентной мысли.—Цензурныя строгости.—Запрещеніе «Телескопа».—Письмо Чаадаева.—Булгаринъ.

Журналистика, хотя нѣсколько напоминающая современную намъ, выступила на сцену еще при жизни императора Александра I-го, въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія. Русская мысль того времени склонялась къ оптимизму, къ жизнерадостному настроенію и полному примиренію съ окружающимъ. Литература съ замѣчательнымъ талантомъ проводила эту точку зрѣнія на жизнь, во имя которой работалъ и Пушкинъ. Самое недовольство бытіемъ принимало форму не лермонтовскихъ проклятій, не «романтическихъ» взрывовъ негодованія,—а грустной элегіи, поэтической меланхоліи, которая служила очень милымъ и красивымъ дополненіемъ къ господствовавшему эпикуреизму. То бурный и вакхическій, какъ въ стихотвореніяхъ Языкова, то тихій и наивный, какъ у Жуковскаго, то съ философскимъ колоритомъ, съ признаніемъ первенствующей роли за эстетическими наслажденіями, какъ у Пушкина,—этотъ эпикуреизмъ, принимая различныя формы, оставался вѣренъ самому себѣ, заставлялъ искать примиренія съ жизнью, и дѣйствительно всѣ дѣятели 20-хъ годовъ въ концѣ концовъ нашли его: Жуковскій—въ религіи и руссофильствѣ, Пушкинъ—въ творчествѣ, Языковъ—въ покаяніи и смиреніи личномъ, въ гордости своей родиной. Конечно, это не единственное настроеніе двадцатыхъ годовъ, но настроеніе господствующее, завѣщанное первой половиной александровской эпохи, когда такъ легко вѣрили и такъ весело, шутливо жили. Самые литературные нравы того времени такъ рѣзко отличались отъ нашихъ, что нужно особенное усиліе, чтобы составить о немъ хотя приблизительное понятіе. Ужъ ни въ какомъ случаѣ литература не была потребностью и даже необходимой потребностью, какъ въ настоящее время. Большинство публики смотрѣло на нее какъ на роскошь, сами писатели даже и не мечтали ставить ей какія нибудь практическія цѣли.

Поэты творили прежде всего для самихъ себя и охотно признавались, что исканіе славы, т. е. вліяніе на современниковъ, есть слабость человѣческая, достойная порицанія. Такъ думали и Пушкинъ, и Жуковскій, такъ думали и тѣ, кто группировался возлѣ нихъ, и во всякомъ случаѣ литература и жизнь ничего общаго между собою не имѣли: если послѣдняя была пустыней, то первая—ничѣмъ инымъ, какъ миражемъ среди этой самой пустыни. Знаменитая формула «искуство для искуства» не могла даже встрѣтить какого нибудь возраженія, она была одной изъ аксіомъ, одной изъ заповѣдей, написанныхъ на скрижаляхъ творчества. Возьмите нашихъ писателей, олимпійцевъ того времени, возьмите прежде всего Пушкина и его учениковъ. Для чего писали они? На этотъ вопросъ съ ихъ стороны нѣтъ отвѣта, и во всякомъ случаѣ Пушкинъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ бы его отъ себя. Писать для чего нибудь—можно развѣ канцелярскую бумагу или какой нибудь проектъ ассенизаціи, можно писать лишь потому, что есть потребность творчества, потребность настойчивая и деспотическая, такая-же, какъ ѣсть, пить, спать, безъ удовлетворенія которой нѣтъ полноты жизни и довольства; можно писать лишь по призыву внутренняго чувства, чтобы воплотить тревожные образы, дать выходъ и просторъ накопившемуся чувству. Писатель это — жрецъ, стоящій передъ невѣдомымъ богомъ искуства, но никакъ не передъ толпой современниковъ.

Само собою разумѣется, что подобное настроеніе было очень далеко отъ мысли взваливать на литературу какія-бы то ни было общественныя задачи и ставить ей какія-бы то ни было практическія цѣли. Литература служила обществу, гуманизировала его, воспитывала его мысль и чувство—это несомнѣнно; но все это дѣлалось помимо самихъ писателей, лучшіе изъ которыхъ держались на литературу своей собственной точки зрѣнія. Эта точка зрѣнія рѣшительно ничего не имѣла противъ того, чтобы художественные образы воздвигались, говоря метафорически, на болотѣ общественной жизни, чтобы чудныя созданія искуства точно камни драгоцѣнные съ неба падали въ обстановку, ничего общаго неимѣвшую съ ихъ блескомъ и красотой. Литература, просто-на-просто, была аристократической. Цѣнителями и судьями былъ строго ограниченный кружокъ писателей олимпійцевъ, мнѣніе массы игнорировалось столько-же, сколько и ея стремленія и цѣли ея бытія. Въ своей творческой дѣятельности поэтъ искалъ прежде всего наслажденія, смѣло и свободно отдавался онъ порыву вдохновенія, не тревожа себя мыслями о земныхъ задачахъ и противорѣчіяхъ. Онъ былъ худож-

никомъ въ лучшемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самомъ узкомъ смыслѣ этого слова.

Онъ искалъ наслажденія въ творчествѣ, и забота о «мелкой» жизненной правдѣ не всегда тревожила его душу.

Трудно сказать, въ какой глухой переулокъ ударилось-бы подобное направленіе, однако на сцену появилась журналистика.

Нельзя отрицать, что журналистикѣ вообще въ дѣлѣ сближенія литературы и жизни пришлось сыграть выдающуюся, хотя и не исключительную роль. Кому же какъ не журналистикѣ Россія обязана тѣмъ, что въ ней въ настоящее время обрѣтается такая масса читателей? Это одно чего нибудь да стоитъ, и съ нашей точки зрѣнія стоитъ очень многаго. Безъ этой массы народа, способной интересоваться написаннымъ и понимать его,—литература никогда-бы не могла сдѣлаться общественной силой, она все-бы еще продолжала изображать изъ себя прекрасную картинную галлерею, входъ въ которую доступенъ очень немногимъ. Масса читателей нужна, необходима даже, чтобы вывести литературу изъ очарованнаго круга чисто эстетическихъ задачъ и идеаловъ и превратить писателя въ общественнаго дѣятеля. Конечно мадонна Рафаэля сама по себѣ ровно ничего не выиграетъ и ровно ничего не потеряетъ, будутъ ли на нее смотрѣть 5 или 5000 человѣкъ: въ томъ и другомъ случаѣ она одинаково остается дивнымъ созданіемъ искуства, великимъ памятникомъ того, до какой высоты можетъ подняться духъ человѣческій; но вліяніе художественнаго творчества на жизнь складывается не изъ одного элемента, т. е. достоинства самаго произведенія, а изъ двухъ: достоинства—это во-первыхъ, общедоступности—во-вторыхъ. Во имя этой общедоступности, во имя распространенности и популяризаціи и работала всегда русская журналистика; и работала, надо отдать ей полную справедливость, и энергично, и въ сущности умѣло.

Двумя путями создавала она массу читателей: съ одной стороны давая ей интересное, разнообразное и доступное чтеніе, съ другой—популяризуя знанія, воспитывая эту массу и пододвигая ее понемногу къ тѣмъ высотамъ, до которыхъ добралась художественная литература и наука. Оттого-то журналы и играли всегда такую выдающуюся роль у насъ въ Россіи, оттого-то и возможно высказывать мнѣніе: «въ исторіи нашего умственнаго развитія журналистика является какъ-бы центральною осью». Журналистика, повторяемъ, это постоянный посредникъ между художественной литературой и наукой, и массой публики.

Вѣдь то же самое, что мы говорили объ аристократизмѣ художественной литературы, вполнѣ примѣнимо и къ наукѣ, примѣнимо даже теперь, не говоря уже о томъ, что было 50 лѣтъ тому назадъ. Еще въ сороковыхъ годахъ Бѣлинскій писалъ: «Наука у насъ слишкомъ слабое и нѣжное растеніе, которому некогда было даже пустить корней, не только развернуться пышнымъ и благоуханнымъ цвѣтомъ. Это впрочемъ не значитъ, чтобы у насъ не было науки; это значитъ только, что наука на Руси до сихъ поръ еще что-то вродѣ элевзинскихъ таинствъ,—исключительное достояніе небольшого избраннаго класса людей, а не цѣлаго общества, какъ въ западной Европѣ. Многіе еще изъ посвящающихъ себя исключительно наукѣ, у насъ учатся не для знанія, а для аттестатовъ, открывающихъ путь къ разнымъ преимуществамъ по службѣ. Засѣданія ученыхъ обществъ въ глазахъ нашей публики, на которыя должно смотрѣть съ приличною важностью, не зѣвая. Самъ Араго не привлекъ-бы своими статьями и отчетами разнообразной и полной просвѣщеннаго интереса толпы». Если это справедливо для сороковыхъ годовъ, то что-же сказать о 20-хъ и 30-хъ? То только, что наука была для массы совершенно посторонним предметомъ.

Очевидно, что журналистика, принявши на себя отчасти по силѣ необходимости, отчасти по доброму желанію своихъ руководителей, роль посредника между массой съ одной стороны, художественной литературой и наукой—съ другой, должна была проникнуться энциклопедическимъ направленіемъ и развить по возможности отдѣлъ литературной критики. Та и другая особенность сразу бросается въ глаза не только въ томъ случаѣ, если вы возьмете на себя трудъ перелистать старые журналы двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, но и журналы настоящаго времени. Статьи по естествознанію, статьи по исторіи, языкознанію, біологіи, соціологіи, психологіи — чередуются съ романами и повѣстями. Utile cum dulci— таковъ девизъ, провозглашенный еще «Московскимъ Телеграфомъ» Полевого, «Библіотекой для Чтенія» Сенковскаго, «Отечественными Записками» и т. д. Рядомъ со всѣмъ этимъ—литературная критика, и притомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ. Роль и значеніе этой критики нашли себѣ прекрасную оцѣнку въ статьяхъ Бѣлинскаго. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ: «У насъ общественная жизнь преимущественно выражается въ литературѣ; поэтому нѣтъ ничего мудренаго, если всѣ наши журналы по преимуществу—журналы литературные, наполняемые или произведеніями литературы, или толками о литературѣ». И дальше: «Безъ литературнаго мнѣнія, сколько

нибудь оригинальнаго и самобытнаго, высказываемаго съ бо́льшимъ или меньшимъ умомъ и талантомъ, теперь и у насъ журналъ уже не можетъ имѣть успѣха. Критика, въ отношеніи къ успѣху и вліянію журнала, начинаетъ становиться едва-ли не важнѣе самихъ повѣстей. Правда, подъ критикою у насъ еще не всѣ разумѣютъ разсмотрѣніе произведеній искуства на основаніи науки изящнаго; напротивъ, большая часть публики добродушно почитаетъ критикою всякую бо́лтовню о литературныхъ предметахъ, всякую рецензію на пустую книжонку, — и потому у насъ стоитъ только назвать себя критикомъ, чтобы прослыть критикомъ... но все-же душа журналистики—литературная критика».

Если читатель согласенъ съ изложеннымъ выше взглядомъ на журналистику и на ея роль у насъ, на Руси, то какъ нельзя болѣе понятными станутъ для него и нижеслѣдующія слова Бѣлинскаго, сказанныя имъ въ 1841 году: «И такъ, этотъ успѣхъ журналистики, душа которой—критика, служитъ самымъ яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что литература наконецъ укоренилась на почвѣ русской національности, вошла въ жизнь общества, сдѣлалась его обычаемъ и живою потребностью и уже перестала быть внѣшнимъ нововведеніемъ, модою или книжнымъ педантизмомъ».

Этотъ успѣхъ журналистики созданъ прежде всего ею самою, и мы скоро увидимъ, какъ не дешево онъ ей достался.

* * *

Вспоминать о журналистахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ—значитъ вызывать передъ собой скорбныя тѣни. Глубокая пропасть времени, лежащая между нами и ими, позволяетъ отнестись къ нимъ безъ ненависти и раздраженія, и какъ только мы устранимъ эти чувства, нами не можетъ не овладѣть самое искреннее состраданіе. Многіе изъ нихъ были смѣлые и хорошіе, даже честные люди, многіе не остались таковыми, пройдя тяжелую и многотрудную карьеру журналиста. Передъ нами тѣнь Надеждина, разбитаго параличемъ послѣ неожиданной для него поѣздки въ Вятку; тѣнь Полевого, потерявшаго все—талантъ, силу, здоровье, славу въ борьбѣ съ независящими обстоятельствами. Скорбныя тѣни многострадальныхъ людей, которымъ если не все, то многое простится, даже за малое содѣянное ими, ибо и на это малое приходилось убивать недюжинныя силы...

Начнемъ съ Полевого. Бѣлинскій, Панаевъ и вообще кружокъ «Современника» произнесли ему когда-то суровый приговоръ. Вотъ напр.,

что говоритъ Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ: «Немногіе, даже изъ замѣчательныхъ людей, сберегаютъ до старости то живое начало, ту смѣлость духа, тѣ благородныя стремленія, которыя одушевляли ихъ и давали имъ силу въ молодости...» Грустно смотрѣть на этихъ ослабѣвшихъ людей, но... «ничто не можетъ быть жалче и печальнѣе, когда видишь человѣка, разбитаго жизнью, безсильнаго, пережившаго самого себя, старающагося насильно удерживать за собою власть, принадлежавшую ему нѣкогда по праву,—человѣка, прикидывающагося молодцомъ, когда уже ноги дрожатъ и измѣняютъ ему на каждомъ шагу и съ робкой завистью отрицающаго дѣйствительную силу, проявляющуюся въ новомъ поколѣніи. Такое зрѣлище представлялъ къ сожалѣнію въ послѣдніе годы своей жизни нѣкогда сильный литературный боецъ, подъ вліяніемъ котораго воспиталось почти все наше поколѣніе. Я говорю о Полевомъ... Если-бы онъ, послѣ рокового произвола, обрушившагося надъ нимъ, присмирѣлъ по-неволѣ и продолжалъ-бы честно и смиренно трудиться, съ единственною цѣлью поддерживать свое многочисленное семейство, имя его осталось-бы незапятнаннымъ въ исторіи русской литературы. Но Полевой съ-испугу поспѣшилъ употребить слабые остатки своего таланта на угодничество, лесть, которыхъ никто отъ него не требовалъ; безпрестанно унижалъ безъ нужды свое литературное и человѣческое достоинство, протягивая свою руку людямъ отсталымъ, пошлымъ, защитникамъ тѣхъ принциповъ, противъ которыхъ онъ когда-то ратовалъ, отъявленнымъ негодяямъ, и что всего хуже—съ завистливою ненавистью обратился къ новому поколѣнію... Хотя онъ совершенно потерялъ въ послѣдніе годы свое литературное значеніе, но смерть его на мгновеніе примирила всѣхъ съ нимъ. Полевой, восхвалявшій романы частнаго пристава Штевена, писавшій «Парашей-Сибирячекъ» и другія тому подобныя произведенія, былъ забытъ. Въ простомъ деревянномъ гробѣ, выкрашенномъ желтою краскою (онъ завѣщалъ похоронить себя какъ можно проще) передъ нами лежалъ прежній Полевой, тотъ энергическій редакторъ «Моск. Тел.», которому мы были такъ много обязаны нашимъ развитіемъ»...

Жестокая правда скрыта въ этихъ словахъ, но правда односторонняя, слишкомъ, я-бы сказалъ, сухая. Мы имѣемъ полное право нѣсколько иначе отнестись къ Полевому.

Странная и даже ужасная судьба выпала на его долю. Нуженъ великій художникъ, чтобы изобразить эту простую и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненную трагизма жизнь! Авторъ «Исторіи русскаго народа»,

предшественникъ Лермонтова по настроенію, сильный боецъ и передовой человѣкъ, гибкій и энергичный умъ, открытое, живое сердце—это Полевой въ первой половинѣ своей жизни. Авторъ заядло-патріотическихъ произведеній, сотрудникъ Булгарина, человѣкъ, не останавливающійся ни передъ какими униженіями, торговавшій своимъ талантомъ и быстро промотавшій свою великую славу на скользкомъ пути подслуживанія, — это тотъ же Полевой, но уже послѣ закрытія «Москов. Тел.». Что-же случилось? Панаевъ объясняетъ такую перемѣну испугомъ и матеріальными затрудненіями. Полевой былъ сломанъ по пословицѣ: сила солому ломитъ.

Разскажемъ вкратцѣ его литературную біографію: это избавитъ насъ отъ необходимости произносить непріятный приговоръ самому видному изъ русскихъ журналистовъ вплоть до Бѣлинскаго и быть можетъ хоть нѣсколько послужитъ ему оправданіемъ. Тѣмъ мрачнѣе представятся намъ различнаго рода независящія обстоятельства.

Полевому было съ небольшимъ 20 лѣтъ, когда онъ принялся за изданіе «Телеграфа». Нельзя не согласиться, что, несмотря на свою молодость, онъ былъ какъ нельзя лучше приготовленъ къ роли журналиста. Не особенно образованный, онъ обладалъ однако многочисленными и разнообразными знаніями; писалъ онъ легко, свободно и всегда литературно, прекрасно владѣя своимъ нѣсколько рѣзкимъ и оригинальнымъ юморомъ, а главное—онъ былъ достаточно смѣлъ, чтобы довѣриться своему вкусу и настроенію. Какъ истинный журналистъ, писалъ онъ обо всемъ, о русской и всеобщей грамматикѣ, о санскритскомъ языкѣ, объ исторіи всеобщей и русскихъ лѣтописяхъ, о театрѣ и политической экономіи, о промышленности и о Шекспирѣ, о научныхъ теоріяхъ и объ искуствѣ, о преобразованіяхъ и успѣхахъ по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Конечно академія имѣетъ полное право не причислять его къ лику своихъ членовъ, а наука—отнюдь не меньшее—забыть его, но намъ трудно не вспомнить съ благодарностью объ этой кипучей, разносторонней дѣятельности. Она имѣла большой смыслъ и въ свое время прекрасно сыграла роль толчка—и притомъ очень энергичнаго. Полевой повсюду, съ рѣзкимъ и грубоватымъ даже юморомъ нападалъ на заснувшихъ лѣнтяевъ и педантовъ; онъ буквально не давалъ имъ покоя, въ какія бы спеціальныя сферы или норы они не прятались. Онъ по пятамъ преслѣдовалъ ученое и литературное самодовольство, безжалостно осмѣивая его представителей, искренне утвержденныхъ въ мысли о своей геніальности, вслѣдствіе какой

нибудь плохо изданной компиляціи по нѣмецкимъ учебникамъ. Если и въ настоящее время нерѣдко попадаются люди, основывающіе всѣ свои претензіи на величіе лишь на томъ, что имъ извѣстна грамматика такого языка, который даже не снился простому смертному, то что-же было 60 — 70 лѣтъ тому назадъ? Все равно какъ каждый строчившій библіографическія замѣтки, наивно воображаетъ себя критикомъ, какъ авторъ дикаго стихотворенія требовалъ причисленія къ сонму поэтовъ,—такъ и ничтожиный компиляторъ находилъ въ своей душѣ достаточно самоувѣренности, чтобы мнить себя жрецомъ науки и съ этой высоты съ презрѣніемъ посматривать на окружающее вообще, человѣчество въ частности. У Полевого на этотъ счетъ была своя собственная точка зрѣнія, не достаточно рѣзко формулированная, быть можетъ не совсѣмъ ясная даже для него самого, и все же замѣчательная, и для насъ очевидная. Эта точка зрѣнія, одушевленная впослѣдствіи геніемъ Бѣлинскаго, согрѣтая его чуднымъ, безконечно любящимъ и вѣрующимъ сердцемъ, составила всю славу нашего великаго критика. Я говорю конечно объ общественной точкѣ зрѣнія. Не особенно симпатичная, разъ она предлагается намъ въ слишкомъ искаженномъ видѣ, еще менѣе симпатичная, когда ее примѣняютъ механически и односторонне къ произведеніямъ науки и искуства, она однако всегда имѣла и будетъ имѣть большое значеніе. Прекрасно формулирована она Бѣлинскимъ: «Свобода творчества, говоритъ онъ, легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать насильно, насиловать фантазію; для этого нужно быть только гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровье, практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни». Всякому извѣстно, какой переворотъ въ нашихъ взглядахъ и понятіяхъ произвела эта общественная точка зрѣнія; несомнѣнно, что она была у Полевого. Понятно теперь, почему онъ съ такой энергіей преслѣдовалъ всякихъ ученыхъ педантовъ и птичьихъ поэтовъ, ибо на всякую дѣятельность — все равно научную или литературную—онъ смотрѣлъ прежде всего какъ на дѣятельность общественную. Большой поклонникъ Пушкина, вполнѣ убѣжденный въ его геніальности, онъ нападалъ даже на него. «Полевой, говоритъ А. Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей литературы», представилъ въ своемъ «Моск. Тел.» первые задатки оцѣнки писателей, принимая въ соображеніе не одну степень талантливости и эстетическія достоинства произведеній, но

также и политическую репутацію. Такъ, при всѣхъ похвалахъ, расточаемыхъ имъ Пушкину, онъ, насколько возможно, довольно прозрачно проводилъ ту мысль, что Пушкинъ уже не тотъ, что былъ, и, нападая на его стремленія къ великосвѣтскости, ясно намекалъ на тѣ новыя, оффиціальныя связи и отношенія, которыя завязались у Пушкина послѣ 1826-го года».

Сильный и остроумный писатель, врагъ всякаго авторитета, прекрасный полемистъ, Полевой очевидно долженъ былъ возбудить противъ себя цѣлую стаю литературныхъ недруговъ, буквально недававшихъ ему ни минуты покоя. Совершенно правъ его братъ, говоря:

«Издатель «Московскаго Телеграфа» только началъ свое литературное поприще и уже въ первое время существованія его журнала, былъ, можно сказать, осыпанъ нападеніями и обвиненіями всякаго рода, начиная отъ обыкновенныхъ литературныхъ противорѣчій до самыхъ дерзкихъ и нелитературныхъ выходокъ. Онъ былъ не Карамзинъ, не прославленный ученый и профессоръ; онъ учился не въ университетахъ, не въ академіяхъ; а въ глазахъ тогдашней публики было важно не только это обстоятельство, но и то, что у него не было дипломовъ ни на какое ученое званіе, что такъ усердно старались пояснить благородные, повитые на щитахъ, его противники. Они упрекали, кололи его званіемъ; выводили послѣдствія, по ихъ мнѣнію, очень логическія, что званіе купца, слѣдовательно торговца, промышленника, несовмѣстно съ литературными занятіями, и, почитая его какимъ-то паріею среди благородныхъ кастъ, на этомъ основаніи позволяли себѣ дерзости, какихъ не осмѣлились бы сказать другому. Наконецъ издатель «Московскаго Телеграфа» могъ опасаться, что съ нимъ сбудется то, что Бомарше вложилъ въ уста Донъ-Базиліо о клеветѣ: «самая пошлая, самая нелѣпая клевета оставляетъ послѣ себя слѣдъ».

Въ этихъ клеветникахъ, злостныхъ и упорныхъ нападкахъ на Полевого, какъ нельзя лучше проявились булгаринскіе нравы литературы того времени. Но на Полевого нападали и съ другой стороны.

Въ немъ на самомъ дѣлѣ была та самостоятельность мысли и чувства, которая такъ не нравилась 50 лѣтъ тому назадъ. Въ литературѣ Полевой выступилъ защитникомъ романтизма, въ исторіи— противникомъ Карамзина. Обратимъ вниманіе на послѣднее обстоятельство: оно этого заслуживаетъ. Какъ писалъ Карамзинъ свою исторію—извѣстно: это исторія государства, а не народа, это панегирикъ внѣшней силѣ и внѣшнему могуществу, это прекрасный арсе-

налъ для всѣхъ аргументовъ національнаго самодовольства. Народа на сценѣ нѣтъ, вмѣсто философской точки зрѣнія—господствуетъ нравственная. Пріобрѣтеніе удѣла—великая заслуга, эпитеты добродѣтельный и недобродѣтельный пестрятъ страницы. Сантиментальный моралистъ повсюду стоитъ рядомъ съ панегиристомъ силы. Какъ бы въ отвѣтъ «Исторіи Государства Россійскаго» Полевой пишетъ свою «Исторію русскаго народа».

Прекрасная книга, не утерявшая своей цѣны еще и до настоящаго времени. Для людей-же 20-хъ и 30-хъ годовъ она была настоящимъ откровеніемъ. Молчаливый и закабаленный народъ впервые заявилъ о своемъ непосредственномъ участіи въ дѣлѣ созданія и государства и исторіи. Ему было отведено свое мѣсто, и тѣмъ ярче выступило противорѣчіе между народомъ, создавшимъ исторію, и крѣпостной, безправной массой, въ которую превратился тотъ-же народъ и о чемъ совсѣмъ забылъ Карамзинъ.

Одна эта книга могла-бы обезсмертить имя Полевого, а если прибавить къ ней его заслуги какъ издателя «Московскаго Телеграфа», какъ предшественника Лермонтова, то право становится грустнымъ, что у насъ нѣтъ даже его приличной біографіи и только десятокъ статей, разбросанныхъ въ журналахъ, да давно затерявшійся памятникъ на Волковомъ кладбищѣ—вотъ и все, что осталось отъ сильнаго бойца, когда-то передового дѣятеля нашего общества...

Правда, впослѣдствіи Полевой самъ себя опровергъ и набросилъ на свое имя очень темную тѣнь. Случилось это послѣ неожиданнаго прекращенія «Московскаго Телеграфа», когда его издатель остался безъ всякихъ средствъ къ жизни и къ довершенію всего получилъ строгое внушеніе. Человѣкъ умалился. Теперь если ужь надо о чемъ разсказывать, то не о прежней почти героической борьбѣ съ самодовольствомъ и обскурантизмомъ, а о писаніи только патріотическихъ произведеній, о сотрудничествѣ съ Булгаринымъ, объ откровенномъ ухаживаніи и забѣганіи передъ силой жизни. Полевой дѣлалъ все, что могъ, чтобы забыли его-же самого и первую половину его дѣятельности. Однако онъ не достигъ этого.

Посмотрите, какая глубокая иронія и вмѣстѣ съ тѣмъ какая глубокая истина скрывается въ словахъ Бѣлинскаго, случайно брошенныхъ имъ въ одной изъ библіографическихъ замѣтокъ: «Не тотъ г. Полевой, который не додалъ шести книжекъ «Рус. Вѣст.», не тотъ, который выкраиваетъ изъ чего попало плохія драмы, создаетъ комедіи вродѣ «Война Ѳедосьи Сидо-

ровны съ Китайцами» и воспѣваетъ «деньги», но тотъ, который издавалъ «Моск. Тел.», ссорился съ другомъ и недругомъ за свои убѣжденія, порицалъ направленіе драмъ гг. Шаховского и Кукольника и не воспѣвалъ денегъ».

Все это какъ нельзя болѣе правда; но чѣмъ больше задумываемся мы надъ судьбой Полевого, тѣмъ настойчивѣе выступаетъ передъ нами вопросъ: «что-же такое съ намъ случилось»? Панаевъ говоритъ: «испугался». Другіе ссылаются на обремененіе многочисленнымъ семействомъ...

Было и то, и другое. Но не трудно кажется вообразить себѣ иную обстановку, гдѣ съ такими людьми, какъ Полевой, никакого зла не случилось-бы, не пришлось-бы ему въ этой иной обстановкѣ ни холопствовать, ни лицемѣрить, не пришлось-бы отрекаться отъ себя и восхвалять романы частнаго пристава только потому, что тому дана власть вязать и развязывать. Можно-ли разсуждать съ точки зрѣнія этой, не идеальной даже, но все-же лучшей обстановки? Намъ думается, что да. Вѣдь общество существуетъ совсѣмъ не для героевъ, а общественная жизнь — не для героическихъ поступковъ. Героевъ такъ мало, что изъ-за нихъ-бы не стоило хлопотать. Большинство смертныхъ представляетъ изъ себя коллекціи весьма и весьма дюжинныхъ людей. Умныхъ, не глупыхъ по крайней мѣрѣ между ними достаточно; но тѣ, кто одаренъ исключительной силой воли, могучей вѣрой, способностью приносить въ жертву идеалу свое тщеславное, вѣчно алчущее «я», — встрѣчаются въ видѣ исключенія. Герой въ любой обстановкѣ—развѣ уже самой исключительной—не затеряется, но общественная жизнь должна быть приспособлена къ людямъ средней воли, и ихъ-то чувство достоинства она и должна оберегать. А если она не дѣлаетъ этого, если она это человѣческое достоинство топчетъ въ грязь, если она возводитъ въ принципъ—неуваженіе къ нему, въ систему—преслѣдованіе его, то кто-же виноватъ? Неужели слабый человѣкъ средней руки, обремененный многочисленнымъ семействомъ?..

Чувство собственнаго достоинства — удивительный и лучшій даръ природы человѣку, вѣрнѣе—это чувство пріобрѣтено имъ цѣною величайшихъ усилій и неисчислимыхъ страданій. Поэтому-то оно такъ и привлекательно, поэтому-то оно и есть лучшее, что находится въ нашемъ распоряженіи. Хотите знать, какой судъ можно произнести надъ той или другой эпохой, надъ тѣми или другими историческими условіями, — спросите себя: а какъ эта эпоха, какъ эти историческія условія относились къ чувству человѣческаго достоин-

ства? Уважали-ли они его, цѣнили-ли его, или—наоборотъ—третировали, презирали, всяческими способами преслѣдовали? Мнѣ думается, что трудно съ такого рода критеріумомъ сдѣлать серьезную ошибку. Аристотель всю свою теорію нравственности построилъ на сознаніи человѣкомъ собственнаго достоинства. Великая и славная мысль, вникая въ которую мы невольно переносимся въ обстановку греческой жизни, ея привольной атмосферы, въ которой такъ свободно дышалось людямъ. Почему человѣкъ добродѣтеленъ? Потому-ли, что онъ боится кого или чего нибудь, потому-ли, что онъ ищетъ награды, потому-ли наконецъ что ему такъ приказано? Нѣтъ, проще, гораздо проще: онъ добродѣтеленъ потому, что уважаетъ самого себя.

30-же и 40-вые годы нашего вѣка къ подобной этикѣ приспособлены не были, а какъ-бы наоборотъ задались спеціальной цѣлью доказать, что чувства собственнаго достоинства у человѣка нѣтъ, да и быть не можетъ. На Полевомъ они проявили все свое могущество—и онъ сломленъ. Конечно никто не мѣшаетъ намъ обвинять его: «жестокія» слова и такъ уже не разъ градомъ сыпались по его адресу. Но будетъ ли *правда* въ этихъ «жестокихъ» словахъ? Если и будетъ, то не полная. Не знаю какъ другіе, но я, вчитываясь въ письма Полевого, относящіяся къ послѣдней эпохѣ его дѣятельности, чувствовалъ одну лишь жалость и состраданіе къ этому когда-то сильному человѣку. Долги, заботы о семействѣ, о насущномъ кускѣ хлѣба, тревожныя думы о подневольной работѣ, постоянное насильственное напряженіе своихъ силъ—вотъ тема этихъ писемъ. Передъ нами слабый, несчастный подъяремный человѣкъ, боязливо оглядывающійся, боязливо протягивающій руку.

Всякій, думается намъ, знаетъ, что въ николаевскую эпоху господствовала «система». Это система ясная, точная, такая, которая еще и теперь поражаетъ насъ своимъ грандіознымъ размахомъ. Эта система являлась какъ-бы живымъ воплощеніемъ могучей и непреклонной личности самого императора Николая I. Идея, которая проникала собой всю систему и какъ мозгъ наполняла кости ея, была идеей внѣшняго могущества и силы Россіи—съ одной стороны, безусловнаго единства ея духовной жизни — съ другой. Относительно внѣшняго могущества будемъ кратки: его не только добивались, имъ пользовались. Познакомившись хотя немного съ исторіей дипломатическихъ сношеній времени Николая I-го, вы прежде всего видите тотъ фактъ, что впродолженіе долгаго ряда лѣтъ въ европейскомъ концертѣ Россія держала первую скрипку. Императоръ былъ настоящимъ рѣшителемъ европейскихъ судебъ, чьему приказанію волей-не-

волей должны были подчиняться заграницей. Въ дѣла другихъ европейскихъ государствъ онъ вмѣшивался властно и требовательно, его голосъ раздавался какъ голосъ власти, силу и право имѣющаго, главное—силу. Стоитъ припомнить классическую угрозу Николая I-го отправить въ Парижъ милліонъ слушателей, т. е. солдатъ, въ случаѣ если будетъ допущена къ представленію непонравившаяся ему пьеса. Участіе Россіи въ венгерскомъ возстаніи — новая иллюстрація того-же самаго. Венгерцы возстали потому, что у нихъ были съ австрійцами свои собственные счеты; но такъ какъ императоръ Николай I возложилъ на себя трудную заботу о сохраненіи европейскаго мира и считалъ безусловнымъ своимъ долгомъ заботиться о прочности всѣхъ европейскихъ престоловъ и поддерживать династическую идею вездѣ и повсюду, то Россіи пришлось вмѣшаться и въ венгерское возстаніе ради его успокоенія. Русскій колоссъ въ эту удивительную эпоху расправилъ свои могучіе члены и явился въ полномъ блескѣ величія и власти. Но очевидно, чтобы пользоваться въ Европѣ такой первенствующей ролью, ему пришлось пустить въ ходъ всѣ свои силы, которыя только были, пришлось дѣлать невѣроятное напряженіе, пришлось идеѣ внѣшняго могущества подчинить все остальное и принести ей въ жертву лучшія дарованія и лучшія способности.

Однимъ изъ необходимѣйшихъ условій внѣшняго могущества, по мнѣнію императора Николая, являлось полное, безусловное, нетерпящее никакихъ, даже самомалѣйшихъ уклоненій, духовное единство всѣхъ русскихъ людей. Имъ должны были проникнуться всѣ, начиная съ перваго вельможи и кончая послѣднимъ мужиченкомъ. Система николаевской эпохи стремилась подчинить себѣ всѣ мысли и чувства пятидесятимилліоннаго населенія. Это была поистинѣ грандіозная попытка. Всѣ усилія правительства въ области внутренней политики сводились къ дисциплинѣ, идеаломъ которой была дисциплина военная. Каждому было указано свое, строго опредѣленное мѣсто; отъ каждаго требовалось, чтобы онъ говорилъ, думалъ и чувствовалъ именно такъ, какъ было предписано. Одинъ долженъ былъ чувствовать побольше, другой поменьше; одному полагалось знать то, чего не полагалось знать другому; въ мысляхъ одного могло быть больше развязности и бойкости, чѣмъ въ мысляхъ другого, или третьяго, которому совсѣмъ не полагалось имѣть никакихъ мыслей. Все это было строго предусмотрѣно системой, все это съ математической точностью соотвѣтствовало положенію человѣка здѣсь, на землѣ.

Какъ жилось въ этой обстановкѣ интеллигентной мысли — сообразить не трудно. Интеллигентная мысль менѣе всего подходила подъ требованія системы. Вѣдь вся привлекательность умственной или творческой дѣятельности въ томъ и заключается, что въ ней человѣкъ выражаетъ свою особенность и индивидуальность. Разъ нѣтъ послѣдняго, разъ нѣтъ свободы, позволяющей проявить самого себя,—то не все ли равно, что икону писать, что утаптывать мостовую. Но какое дѣло системѣ до особенности и индивидуальности? Крупныхъ людей, какъ напр. Пушкина, она старалась привлечь на свою сторону. Съ мелкими она совершенно не церемонилась.

Несмотря однако на эти непріятности и стѣсненіе, не смотря на то, что существованіе и литературы и журналистики только терпѣлось, но не признавалось, обѣ онѣ «путемъ естественной эволюціи» пережили за это время очень важный моментъ своего бытія. Совершилось это втихомолку, незамѣтно, но все-же совершилось и какъ фактъ можетъ быть упомянуто въ нашемъ предисловіи. Не говоримъ уже о томъ, что литература, по словамъ Бѣлинскаго, стала общественной силой, т. е. сблизилась съ жизнью, съ ея практическими стремленіями и задачами, о чемъ упоминалось нами выше. Пользуясь случаемъ, указываемъ на другое обстоятельство: въ литературѣ появился разночинецъ и изъ занятія она стала дѣломъ, такимъ-же н а с т о я щ и м ъ дѣломъ, какъ учительство, чиновничанье и пр.

Объ этомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Въ это время установился обычай платить за статьи гонораръ. Уже Полевой, издавая «Московскій Телеграфъ», частенько дѣлалъ это, послѣ-же него плата писателю-журналисту стала какъ-бы правиломъ. Платили редакторы, издатели,—т. е. лица, прямо и непосредственно связанныя съ литературой, и прежній гонораръ въ видѣ табакерокъ, милостивыхъ улыбокъ, всевозможныхъ подачекъ со стороны меценатовъ и меценатокъ—сталъ мало-по-малу отходить въ область преданія, откуда можно пожелать ему никогда не возвращаться. Благодаря этому оказалось возможнымъ избирать писательство карьерой и исключительно отдаваться ему. И оно возвысилось до степени дѣла. Раньше-же имъ занимались между прочимъ. Диллетанты и любители создавали повѣсти, романы, критическія статьи, поэмы, печатали ихъ ради славы и во имя собственнаго тщеславія, услаждались похвалами, возмущались нападками, но «дѣло» ихъ жизни было не въ литературѣ, а въ другомъ мѣстѣ—въ полку, въ департаментѣ и т. д. Оттого позволять себѣ такую роскошь какъ писательство могли лишь люди обезпеченные, обладавшіе родовымъ или благопріобрѣтеннымъ

Но писательство какъ карьера, литературная работа какъ дѣло всей жизни—были немыслимы для разночинца, не имѣвшаго ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго, пока гонораръ не сталъ обычаемъ и даже правиломъ. Эта полистная и постатейная плата является историку какъ бы символомъ того, что кончился наконецъ аристократическій періодъ литературы и вмѣсто него выступаетъ на сцену другой, уже ни въ какомъ случаѣ не аристократическій.

Разночинецъ обосновался въ литературѣ. Журналистика открыла для его силъ такое поприще, о которомъ раньше онъ не могъ мечтать и во снѣ. Литературные нравы покровительствовали ему. Никто не справлялся о его происхожденіи, о чинѣ и званіи его родителей; такъ или иначе, но цѣнили по дѣламъ его. Духъ времени, правда, былъ противъ такой оцѣнки, но литература выступила на свою самостоятельную дорогу и держалась своей собственной линіи. Въ обществѣ, гдѣ протекція, родство, связи, портреты предковъ и пр. играли такую важную роль, вдругъ появился уголокъ съ другими нравами и другими взглядами. Этотъ уголокъ былъ—литература. Званіе генеральскаго сына или внука—увы!—не цѣнилось тамъ ни во что. Талантъ, личная заслуга, непосредственная способность вліянія на другого — вотъ чтó значило, вотъ чтó стояло на первомъ планѣ. И разночинцу открывалась возможность вздохнуть (хоть не всегда) свободно.

Войдя въ литературу, разночинецъ внесъ въ нее и особенные взгляды. Онъ явился съ чердака, съ антресолей, изъ подваловъ, явился блѣднымъ и исхудалымъ, частенько голодавшимъ, помятый жизнью. Онъ зналъ эту жизнь, зналъ ее по опыту собственной шкуры— и прежнее созерцательное, оптимистическое отношеніе къ бытію было не по вкусу ему. Онъ хотѣлъ дѣла, сынъ страданія, такъ или иначе, онъ рѣшился бороться съ нимъ. И борьба началась.

II.

Сенковскій до выступленія на поприще журналиста.—Почему такъ хорошо забытъ Сенковскій?—Характеристика его, какъ личности и писателя.—Дѣтство и воспитаніе.—Поѣздка на Востокъ.—Литературная дѣятельность до открытія „Библіотеки для Чтенія“.

Полагаемъ, что ничто такъ хорошо не забыто, какъ прошлое журналистики и журналистовъ. И понятно, почему это такъ. Среди общественныхъ дѣятелей—журналиста забыть особенно легко. Это

несомнѣнная, хотя и грустная истина. Что остается послѣ него?— груда исписанной бумаги, почти непонятная черезъ 20—30 лѣтъ послѣ его смерти. Давно умолкнувшія имена, давно переставшія не только волновать, но даже интересовать насъ событія, намеки на современныя явленія и обстоятельства, въ которыхъ мы не можемъ разобраться безъ скучныхъ комментарій,—вотъ наслѣдіе журнальной работы. Надо быть или философомъ, или поэтомъ, чтобы новое поколѣніе могло интересоваться тобою; большинство журналистовъ служитъ своей эпохѣ и умираетъ вмѣстѣ съ нею. Они волновались, негодовали, любили, спорили, ссорились, но какое дѣло до всего этого намъ? Пятьдесятъ лѣтъ успѣли создать новыя имена и новые интересы, за пятьдесятъ лѣтъ все прежнее отчасти исчезло, отчасти забыто. Намъ трудно даже на минуту перенестись въ прошлую жизнь; вмѣсто людей, съ мускулами и кровью, передъ нами бродятъ блѣдныя тѣни; вмѣсто яркой картины, передъ нами слабо проведенные штрихи. Истины, когда-то великія и новыя, кажутся намъ азбучными; событія, возбуждавшія прежде такой страхъ или такіе восторги,—не производятъ на насъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Изъ прошлаго, если мы интересуемся имъ, то развѣ тѣмъ лишь, что въ немъ есть общаго, выдающагося, а злоба тѣхъ дней — не злоба для насъ. Понятно, что если журналисту, которому не удастся соединить въ своемъ лицѣ поэта, какъ Бѣлинскому, или философа, какъ Писареву, Михайловскому и т. д., приходится оглянуться на свою прошлую дѣятельность, то онъ не можетъ не почувствовать тоски и угнетенія. Онъ чувствуетъ, какъ скоро онъ будетъ забытъ, какъ скоро исчезнутъ послѣдніе слѣды совершенной имъ громадной работы. Кому надо, кому охота копаться въ старыхъ журналахъ, кто проститъ и пойметъ эту торопливую, лихорадочную дѣятельность, кто заинтересуется давно-минувшей злобой дня? А между тѣмъ все это когда-то волновало и мучило, все это заставляло судорожно хвататься за перо, опровергать и доказывать, бороться и надѣяться. Тогда нельзя было не торопиться, тогда некогда было останавливаться надъ отдѣлкой формы, надъ тѣмъ, чтобы придать своему произведенію болѣе строгій и обработанный видъ. Надо спѣшить. Жизнь не ждетъ, ежедневно выдвигаетъ она на сцену новые вопросы и обязанность журналиста отвѣтить на нихъ.

«Я принялся,—писалъ Сенковскій Ахматовой,—перебирать въ своей памяти все, что̀ написалъ до сихъ поръ, и вижу, что рѣшительно не сдѣлалъ ничего хорошаго, что̀ могло бы остаться послѣ меня, что̀ было бы соразмѣрно съ тѣмъ громаднымъ трудомъ, кото-

рый я наложилъ на себя съ ранней юности, чтобы приготовиться работать хорошо и быть полезнымъ. Я такъ дурно распорядился моею жизнью, моими способностями; я вступилъ на такой путь, который принудилъ меня насильно тратить все это для другихъ, всѣмъ жертвовать для другихъ, — глупо, потому что я получилъ за это только неблагодарность и клевету, и ничего не сдѣлалъ для самого себя, для прочности своей собственной славы, для моихъ матеріальныхъ интересовъ, наконецъ потому, что и матеріальные интересы имѣютъ также свою цѣну, когда приближаешься къ старости. Что останется послѣ моей смерти?—множество работъ, разбросанныхъ, едва начатыхъ, не конченныхъ, которыя я всегда предпринималъ съ намѣреніемъ связать ихъ вмѣстѣ, усовершенствовать, придать имъ большее развитіе, сдѣлать изъ нихъ произведенія прочныя и замѣчательныя; и всегда, предаваясь сумасбродно несчастной тратѣ моихъ идей и способностей на пользу другихъ, я оставлялъ не конченными и забытыми по недостатку времени и вслѣдствіе того усложненія занятій, въ которое я вдавался необдуманно и изъ котораго мнѣ теперь трудно выбраться, несмотря на всѣ мои усилія достигнуть этого, чтобы отдаться самому себѣ и работать надъ тѣмъ, что должно пережить меня. Успѣхъ, который имѣли всѣ эти наброски, всѣ эти пустяки, болѣе или менѣе блестящіе, нисколько не ослѣпляетъ меня; я знаю лучше, чѣмъ кто бы то ни было, что они не имѣютъ настоящаго достоинства, и высокое понятіе, какое они дали публикѣ о моихъ способностяхъ, — тяжесть, подавляющая меня, потому что я боюсь, вижу, что смерть настигнетъ меня прежде, чѣмъ я сдѣлаюсь свободенъ, чтобы доказать моимъ согражданамъ, что я дѣйствительно стоилъ того уваженія, которое они отдали мнѣ сразу, и что они не обманулись въ моихъ способностяхъ. Признайтесь, что для человѣка, умѣющаго чувствовать сильно, для человѣка съ сердцемъ, для того, кто не лишенъ благороднаго честолюбія, мысль обмануть всѣ ожиданія и обмануть по своей собственной винѣ не можетъ не быть убійственной. Вы понимаете теперь причину этой жестокой грусти, которая овладѣваетъ мной время отъ времени, и этого желанія, я скажу даже — этой любви къ преждевременной смерти, которая заставила бы меня исчезнуть, не уничтоживъ моего престижа. Если я не успѣю выйти изъ моего несчастнаго положенія и найти время, чтобы кончить мои сочиненія, чтобы доказать свои истинныя дарованія, я дамъ одержать надо мною верхъ моимъ врагамъ, всѣмъ тѣмъ, кто теперь унижаетъ мое дарованіе изъ зависти.

«Уже и то унизительно думать, что такая сволочь можетъ когда нибудь одержать надо мною верхъ, благодаря моей непредусмотрительности. Говорили, что у меня есть только ожесточенные враги или фанатическіе друзья; если это такъ, я насмѣхаюсь надъ моими врагами, я доказываю имъ каждый день, что насмѣхаюсь надъ ними и не боюсь ихъ; но я чувствую въ то же время, и очень сильно, что имѣю большія обязательства къ тѣмъ, кто удостаиваетъ меня своимъ дружескимъ фанатизмомъ, и что я прежде всего долженъ оправдать ихъ лестное пристрастіе произведеніями, достойными ихъ и меня.

«Вы не можете повѣрить, какія жертвы я приношу, чтобы заслужить уваженіе моихъ друзей, и до сихъ поръ ничто не удается мнѣ; въ началѣ каждаго года я говорю себѣ: наконецъ я свободенъ,—почти свободенъ, и могу спокойно заняться моими собственными произведеніями! Тщетная надежда: мало-по-малу всѣ работы сваливаются на меня,—и въ концѣ года жертва принесена, а тяжесть моихъ занятій не уменьшилась ни на волосъ.

«Нынѣшній годъ я принесъ еще бóльшія жертвы и уже вижу, что безъ меня дѣло не идетъ и что все мое время будетъ истрачено на помощь другимъ, а помогать—просто значитъ дѣлать все самому! — Вы мнѣ скажете: можетъ быть! но эти сто толстыхъ томовъ «Б. для Ч.»—уже довольно хорошія права на славу; вы разсыпали тамъ множество новыхъ идей о множествѣ предметовъ; онѣ произвели не одинъ умственный переворотъ въ нашей странѣ; онѣ дали не одинъ спасительный толчекъ. Положимъ, что это правда, потому что это было сказано и повторено сто разъ моими друзьями и даже моими врагами: но что такое «Б. для Ч.»? Это вещь эфемерная; въ продажѣ не осталось даже ни одного экземпляра изъ этихъ ста томовъ; все было прочитано, изорвано, потеряно, этого не перепечатаютъ никогда, и память о моихъ громадныхъ трудахъ, обо всѣхъ этихъ толчкахъ, обо всѣхъ этихъ умственныхъ переворотахъ изгладится очень скоро: обо мнѣ останется только одно смутное преданіе.

«Лѣтъ черезъ десять вы сами забудете все, что тамъ находилось, и можетъ быть спросите себя съ удивленіемъ: но что-же такое сдѣлалъ этотъ человѣкъ, внушившій мнѣ когда-то столько уваженія и дружбы? Достигнуть такого результата послѣ столькихъ трудовъ—объ этомъ страшно подумать! Ваше благородное сердце сумѣетъ понять грусть, меланхолію, уныніе, часто овладѣвающія мною отъ этого».

Въ общемъ характеристику, данную Сенковскимъ самому себѣ, мы считаемъ совершенно справедливой. Но очень можетъ быть,

многіе найдутъ ее преувеличенной и примутъ не за что иное, какъ за комплиментъ въ меланхолической рамкѣ. Пока не мѣсто разбираться въ этомъ: намъ ниже придется достаточно говорить и о «Библіотекѣ для Чтенія» и ея заслугахъ передъ русской мыслью и русскимъ просвѣщеніемъ. Замѣтимъ только, что никакого желанія превозносить Сенковскаго у насъ нѣтъ, что мы совершенно ясно видимъ его недостатки и ужь ни въ какомъ случаѣ не желаемъ ставить его рядомъ съ Бѣлинскимъ. Но странно было-бы забывать имя Сенковскаго въ изданіи, посвященномъ замѣчательнымъ людямъ. Великъ онъ не былъ, но въ его замѣчательности сомнѣваться никакъ невозможно. Пускай называютъ успѣхъ «Библіотеки для Чтенія»—эфемернымъ, ея издателя—гаэромъ, клоуномъ и пр.,—это не важно. Важно другое: въ тридцатыхъ годахъ «Библіотека для Чтенія» была единственнымъ журналомъ, который читали, Сенковскій — единственнымъ критикомъ, котораго слушали. Вычеркните его дѣятельность,—и у насъ нѣтъ журналистики 30-ыхъ годовъ. Маленькая, скромная журналистика — согласны, но другой въ то время и быть не могло. Маленькая и скромная, но она, благодаря своимъ достоинствамъ или недостаткамъ — это увидимъ ниже—будила мысль дремавшей россійской публики, она первая проникла въ провинцію, первая встряхнула ее. Она пріучила наше общество къ журналу, сдѣлала его необходимымъ для интеллигентной семьи, создала наконецъ новый типъ журнала.

Для величія — этого мало, для замѣчательности—болѣе чѣмъ достаточно.

* * *

Я считаю необходимымъ на немногихъ страницахъ напомнить читателю образъ Сенковскаго.

Профессоръ университета и блестящій лекторъ, знатокъ восточной литературы и Востока вообще, ученый, прекрасно владѣвшій языками—персидскимъ, арабскимъ, турецкимъ, коптскимъ, французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ, русскимъ, польскимъ, итальянскимъ и испанскимъ, свободно писавшій на пяти языкахъ, и вмѣстѣ съ этимъ талантливый публицистъ, критикъ, авторъ безчисленныхъ повѣстей, единственный редакторъ и почти единственный сотрудникъ самаго распространеннаго когда-то журнала: таковъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій съ внѣшней стороны своей дѣятельности. Громадная память, блестящій умъ и не-

менѣе блестящая фантазія, невѣроятное трудолюбіе, разносторонній талантъ и энциклопедическое образованіе — дѣлали его самымъ замѣтнымъ и вліятельнымъ человѣкомъ среди русскихъ журналистовъ.

Прочтите любую страницу изъ произведеній Сенковскаго, все равно откуда выхваченную—изъ его повѣстей или фантастическихъ разсказовъ, изъ его критики или литературной лѣтописи, изъ его фельетоновъ или ученыхъ трактатовъ:—вамъ сейчасъ-же бросится въ глаза рѣзко очерченная индивидуальность автора. Послѣ самаго незначительнаго опыта безчисленные псевдонимы Сенковскаго не будутъ затруднять васъ. Какъ-бы онъ ни подписывался — баронъ Брамбеусъ, Тютюнджю - Оглу Т.-О, О. О. О, Cel, Б. Б., Осипъ Морозовъ, Бѣлкинъ, Снѣгинъ и пр. и пр.,—вы его сейчасъ узнаете, какъ узнавала его нѣкогда публика тридцатыхъ годовъ. У Сенковскаго не только рѣзко очерченная индивидуальность, это—индивидуальность утрированная, утрированная произвольно самимъ Сенковскимъ. Тамъ, гдѣ вы увидите блестящее и общедоступное изложеніе самыхъ трудныхъ вопросовъ лингвистики или политической экономіи, или даже медицины, внезапно прерванное веселой шуткой или иронической фразой, въ которой авторъ подсмѣивается и надъ предметомъ, и надъ самимъ собой; тамъ, гдѣ послѣ одушевленныхъ красивыхъ строкъ вы натолкнетесь на другія, въ которыхъ дается полный просторъ скептицизму, готовому заподозрить все — сдѣланные выводы, усилія ученыхъ, собственную эрудицію автора, и даже самого себя; тамъ, гдѣ шутка зачастую переходитъ въ буффъ, полный утрировки, гдѣ читателю нельзя подчасъ разобраться, серьезно-ли говорятъ ему или шутятъ, гдѣ насмѣшливая улыбка автора ни на минуту не исчезаетъ съ написанныхъ строкъ, гдѣ все такъ искуственно, гдѣ все такъ тревожитъ и тормошитъ вашъ умъ и такъ мало дѣйствуетъ на сердце, волю:—тамъ вы угадаете руку Сенковскаго.

Громадная ученость, острый умъ, блестящая, но не симпатическая фантазія—вотъ что прежде всего бросается въ глаза въ произведеніяхъ Сенковскаго. О чемъ-бы онъ ни говорилъ съ вами— о востокѣ, о фонетикѣ, о политической экономіи, о хирургіи, о музыкѣ, о Лермонтовѣ, о желѣзныхъ дорогахъ, капиталѣ, — онъ сумѣетъ заинтересовать васъ. Удивленіе прежде всего овладѣетъ вами: какова-бы ни была тема, — рѣчь Сенковскаго всегда свободна и самостоятельна, онъ видимо владѣетъ темой во всѣхъ ея изгибахъ, извилинахъ и подробностяхъ. Онъ поражаетъ васъ ловкимъ подбо-

ромъ фактовъ, цифръ, неожиданными сопоставленіями, быстрыми переходами и даже скачками отъ одного предмета къ другому. Онъ заставитъ васъ понять дѣло, какъ-бы лѣнивы вы ни были въ дѣлѣ мышленія, онъ растормошитъ вашу фантазію во что бы то ни стало. Ни передъ какими средствами и затрудненіями онъ не остановится. Безъ всякой скуки будетъ толковать онъ вамъ па цѣлыхъ страницахъ азбучныя истины, пересыпая свои объясненія веселыми шутками и бойкими остротами, десять разъ вернется къ тому-же предмету, разжуетъ его и поможетъ даже проглотить. Но въ то-же время ему ничего не стоитъ въ послѣднихъ строкахъ оставить читателя подъ впечатлѣніемъ, что все сказанное быть можетъ и не истина, что все говорилось ради шутки и веселаго времяпрепровожденія.

Не останавливайтесь на первыхъ страницахъ, не поддавайтесь очарованію безусловно умнаго человѣка, у котораго весь организмъ кажется пропитанъ умомъ,—идите дальше. Идите дальше и вами скоро начнетъ овладѣвать утомленіе. Вашъ умъ удовлетворенъ стройной логикой, смѣлыми парадоксами, интересомъ аргументаціи, ваше воображеніе «пріятно провело время», слѣдя за прихотливой фантазіей автора, за ея изысканными арабесками, но ваше чувство, ваша воля какъ будто остались незатронутыми. Сенковскій объяснитъ вамъ все что угодно; но гдѣ тотъ предметъ, который бы онъ заставилъ полюбить, гдѣ та цѣль, ради которой весь этотъ шумъ и блескъ? Ваша воля осталась безъ напряженія, нѣтъ слезъ негодованія, нѣтъ любовнаго волненія сердца. Вызванная чтеніемъ работа ума и игра фантазіи не замѣняетъ остающейся отъ него пустоты и холодности чувства.

Задача художника, актера, артиста вообще, какъ служителя искуства, — «разогрѣть предметъ». Мнѣ простятъ неудачное выраженіе «разогрѣть», но лучшее по краткости. Можно сказать иначе: «задача искуства—представить вамъ предметъ или всю совокупность предметовъ, указать съ симпатической ихъ стороны», т. е. затронуть любовь и ненависть вашего сердца, повліять на вашу волю. Этого не было у Сенковскаго.

Сравните его съ Бѣлинскимъ. По всей вѣроятности, несомнѣнно даже, онъ былъ въ десять разъ образованнѣе послѣдняго, если нэ болѣе того. Но Бѣлинскій умѣлъ угадывать, тогда какъ Сенковскій только понималъ; Бѣлинскій носилъ въ своей груди благородное, смѣлое сердце, въ немъ таились всѣ муки и надежды современности, онъ воспитывалъ наши стремленія и умѣлъ возбуждать ихъ;

какъ истинный художникъ, онъ вызывалъ наши восторги и наши негодованія; какъ человѣкъ съ творческой силой,—онъ былъ всегда самостоятеленъ. А главное статьи Бѣлинскаго—сама жизнь измученной, но не утерявшей героической вѣры души, поэма, созданная вѣрой въ грядущее счастье, мукой и страданіями своей эпохи. Сенковскій уменъ, уменъ какъ Мефистофель, но какъ часто оставляетъ онъ насъ при одномъ безцѣльномъ, безсодержательномъ смѣхѣ!.. Бѣлинскій—боецъ, Сенковскій—наблюдатель.

Есть умное изреченіе, которое гласитъ: «жизнь представляется трагедіей тому, кто смотритъ на нее съ точки зрѣнія чувства, и комедіей тому, кто стремится только понять ее». Вся жизнь для Сенковскаго преобразовывалась въ комедію, часто въ водевиль, иногда въ скверный анекдотъ. Онъ не любилъ касаться высокихъ страстей, героическихъ порывовъ, не вѣрилъ даже въ мрачныя силы человѣческой природы. Рѣдко возвышался онъ до взгляда на жизнь, какъ на таинственную драму, разыгрывающуюся на нашей маленькой сценѣ-землѣ, онъ предпочиталъ видѣть въ ней интересную комбинацію довольно-таки безсмысленныхъ случайностей. Величіе не поражало его, зло не пугало. Въ первомъ онъ находилъ всегда яркіе слѣды эгоизма, во второмъ—тотъ-же эгоизмъ, въ формѣ мелкихъ страстей, если угодно — мошенничества, тщеславія, подобострастія.

Строго говоря, онъ ни во что вѣрилъ, ничего не хотѣлъ, ни къ чему не стремился.

Что такое люди? Въ отвѣтъ на это Сенковскій еще въ молодые годы написалъ фантастическую басню. Она характерна. Въ общихъ чертахъ вотъ ея содержаніе: «Шелъ факиръ. Это было въ Индіи, гдѣ факировъ такое-же множество, какъ у насъ титулярныхъ совѣтниковъ. Какъ вдругъ онъ очутился на краю темной и глубокой ямы, прикрытой сухимъ хворостомъ и соломой. Это была волчья яма, куда по неосторожности упали обезьяна, змѣя удавъ, тигръ и человѣкъ. Въ три пріема факиръ вытащилъ звѣрей и готовился уже въ четвертый разъ опустить поясъ въ яму. Въ эту минуту обезьяна, змѣй, тигръ,—всѣ трое вдругъ закричали ему посанскритски: «Стой, что ты дѣлаешь? Оставь его тамъ! Не вытаскивай человѣка изъ ямы. Сгинь онъ въ ней, пропади»!—Почему-же такъ? спросилъ изумленный факиръ.—«Какъ почему? воскликнула обезьяна. Неужь-то не знаешь ты своего рода? Человѣкъ! Да это глупѣйшее, хитрѣйшее, вѣроломнѣйшее животное во всей природѣ. Онъ презираетъ обезьянъ. А самъ что онъ дѣлаетъ? Всю жизнь проводитъ въ обезьянствѣ. Онъ

даже издаетъ самъ для себя еженедѣльные журналы обезьянства, съ раскрашенными рисунками, и еженедѣльно передѣлываетъ цѣлую свою наружность по этимъ рисункамъ, всякій разъ хуже, всякій разъ страннѣе, смѣшнѣе и гаже. Я хоть и обезьянничаю, хоть и кривляюсь, по крайней мѣрѣ дѣлаю это для собственной моей потѣхи, когда мнѣ весело; онъ, напротивъ того, прибѣгаетъ къ этому средству единственно для того, чтобъ обмануть другихъ на свой счетъ, чтобъ ослѣпить ихъ, чтобъ ихъ поддѣть, надуть, обобрать... фуй! какъ тебѣ не стыдно быть человѣкомъ! Поди лучше жить съ нами, съ честными, природными обезьянами, въ лѣсу, въ бору, въ пустомъ полѣ: я увѣрена, что ты будешь насъ любить и почитать. У насъ не найдешь ты ни измѣны, ни преступленій, ни пороковъ. Да какой у насъ прекрасный полъ! какъ онъ обезьянничаетъ просто, натурально, неподдѣльно: ужь право не такъ, какъ ваши женщины, которыя всѣми силами стараются подражать обезьянамъ, да не умѣютъ!.. Говорю тебѣ, не вытаскивай его изъ этой ямы: придетъ время, что будешь въ томъ раскаяваться!..»—«Обезьяна судитъ весьма правильно, промолвилъ змѣй, приподнимая голову. Несравненно лучше имѣть дѣло съ обезьянами и змѣями, чѣмъ съ вашею братіею, честный факиръ. Я ужь не стану говорить, про обезьянъ; хотя человѣкъ и очень похожъ на нихъ лицомъ и тѣломъ, но это не должно дѣлать имъ никакого безчестія: онѣ поистинѣ добрыя, кроткія и шутливыя твари,—а скажу лишь нѣсколько словъ о нашей породѣ.

«Змѣй употребляетъ жало только для своей защиты, онъ не наступаетъ, не нападаетъ ни на кого; а человѣкъ?.. О, любезный факиръ! ни въ какомъ болотѣ, ни въ какой пещерѣ въ свѣтѣ нѣтъ змѣи, ехидны, дракона, надѣленныхъ отъ природы сердцемъ столь злобнымъ, жаломъ столь ядовитымъ, какъ сердце и языкъ человѣческіе. Человѣкъ жалитъ и убиваетъ собственныхъ своихъ ближнихъ, невинныхъ и беззащитныхъ, въ шутку, для потѣхи, въ удовлетвореніе своему тщеславію, изъ подобострастія, даже изъ предполагаемаго угожденія другому человѣку, коимъ хочетъ онъ воспользоваться только при случаѣ; онъ смѣется и жалитъ, заключаетъ въ объятія любви, дружбы, гостепріимства,—и жалитъ до смерти. Злоба—его стихія, хитрость — его ремесло, орудіе, слѣдствіе его природы. И онъ еще порицаетъ насъ, бѣдныхъ безногихъ!.. Совѣтую тебѣ, оставь человѣка въ ямѣ, если не желаешь испытать его неблагодарности. Вѣдь вы сами сознаетесь, что мы умнѣе васъ!.. Вы же мудрость изображаете въ лицѣ змѣи»!..

Между факиромъ и звѣрями произошелъ споръ объ относительномъ достоинствѣ человѣка. Услышавъ рѣчь факира о человѣческомъ умѣ, животныя расхохотались. Факиръ былъ приведенъ этимъ смѣхомъ въ смущеніе и остолбенѣлъ. — «Какъ, воскликнулъ онъ, вы не вѣрите, что у человѣка есть умъ? Человѣкъ дѣлаетъ луки, стрѣлы, ружья, часы, подзорныя трубы, считаетъ звѣзды и печатаетъ газеты»...

— Ха-ха-ха!..

— Человѣкъ философствуетъ, т. е. разсуждаетъ о такихъ вещахъ, которыхъ никто, и даже онъ самъ, не понимаетъ...

— Ха-ха-ха-ха!..

— Сдѣлайте-же вы то, что дѣлаетъ человѣкъ!..

— Къ чему, сказали звѣри, намъ считать звѣзды, печатать газеты и углубляться въ философскіе, т. е., какъ ты самъ говоришь, недоступные для ума предметы, когда мы и безъ того находимъ для себя пищу. То, что вы называете вашимъ умомъ, есть не что иное, какъ хитрость: изысканная, ужасная, адская хитрость, высочайшая степень хитрости, при помощи которой добываете вы себѣ пропитаніе. Всѣ ваши выдумки имѣютъ въ предметѣ или то, чтобы набить себѣ желудокъ живностью, которую похищаете вы наперерывъ одинъ у другого, надувая себя взаимно новостью или искусностью вашихъ затѣй, или желаніе погубить другого изъ зависти, вражды и предразсудка. Если обладаете вы хотя одной частицею всеобъемлющей предвѣчной мудрости, которая управляетъ природою, сохраняетъ и развиваетъ ее, то скажите намъ, что хорошаго выдумали вы или сдѣлали на пользу природы, которой составляете важную и нераздѣльную часть?

— Вы это говорите изъ зависти, отвѣчалъ факиръ.—Не хочу васъ слушать,... и, бросивъ свой поясъ золотыхъ дѣлъ мастеру, онъ вытащилъ его изъ ямы.

Спасенный человѣкъ кинулся отъ радости душевно обнимать своего спасителя: онъ цѣловалъ у него руки, кончикъ бороды, цѣловалъ край платья. Онъ называлъ его своимъ благодѣтелемъ, кормильцемъ, отцомъ, султаномъ; онъ плакалъ отъ восторга, палъ передъ нимъ на колѣни и хотѣлъ поцѣловать у него ногу... Прошло нѣсколько лѣтъ... и утомленный путешествіемъ, истощенный голодомъ, тотъ же добрый факиръ медленно тащился съ огромнымъ посохомъ въ рукѣ по дорогѣ. Онъ просилъ у встрѣчныхъ подаянія: никто не давалъ ему и всѣ отворачивались отъ него съ презрѣніемъ. Факиръ вздохнулъ и залился горькими слезами.

Вдругъ обезьяна прыгнула съ дерева прямо на плечо къ нему и начала обнимать его и лизать: «Не узнаешь меня?.. Я Мога-Уда, которой ты спасъ жизнь третьяго лѣта».

Обезьяна принесла факиру плодовъ, змѣй стащилъ для него изъ кладовой сыру и кувшинъ молока; тигръ, желая отплатить за оказанную услугу, задушилъ дочь мѣстнаго султана и сорвалъ съ нея богатыя ожерелья, запястья и отдалъ все факиру.

Тотъ, нагруженный дарами благодарныхъ животныхъ, вошелъ въ городъ и направился прямо въ домъ когда-то спасеннаго имъ золотыхъ дѣлъ мастера.

— Любезный другъ, сказалъ онъ ему, ты обѣщалъ мнѣ подѣлиться со мною твоимъ имѣніемъ...

— Да, прервалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ съ смущеніемъ, я обѣщалъ... Но... знаете, любезный другъ, такъ только говорится, особенно когда человѣкъ растроганъ...

— Не въ томъ дѣло, отвѣчалъ факиръ, я не хочу твоего имѣнія, а только прошу сдѣлать дружеское одолженіе. Вотъ дорогія вещи, цѣны которыхъ я не знаю. Скажи, чего онѣ стоятъ, и постарайся продать ихъ выгодно для меня.

При этихъ словахъ факиръ вынулъ изъ кармана ожерелья и запястья и передалъ ихъ золотыхъ дѣлъ мастеру. Тотъ узналъ ихъ сразу, потому что самъ ихъ дѣлалъ для дочери султана, но онъ нисколько не далъ замѣтить это своему спасителю. Напротивъ, онъ сказалъ ему: «Я продамъ ихъ какъ свои собственныя. Ты—мой благодѣтель; я тебѣ обязанъ жизнью. Позволь только удалиться съ ними на короткое время. Пойду къ сосѣду взвѣсить эти каменья». Факиръ охотно согласился на это предложеніе. Золотыхъ-же дѣлъ мастеръ прямо съ вещами побѣжалъ во дворецъ и просилъ доложить султану, что онъ поймалъ убійцу стыдливѣйшей государыни, его дочери, въ доказательство чего и представляетъ похищенныя у нея драгоцѣнности.

На другой день добрый факиръ лежалъ обезглавленнымъ на кучѣ навоза, а золотыхъ дѣлъ мастеръ гордо расхаживалъ по городу съ орденомъ стараго башмака на спинѣ.

Обезьяна, змѣй и тигръ, узнавъ о несчастіи своего спасителя, заплакали и сказали: «теперь онъ узналъ, что такое люди»!..

Приведенный разсказъ — прелестно написанная вещица, представляющая изъ себя подражаніе восточному. Но въ этой передѣлкѣ Сенковскій цѣликомъ выставилъ свою точку зрѣнія, выставилъ такъ рѣзко и съ такой откровенностью, до которой онъ возвышался не

особенно часто. Оттого-то мы и не поскупились на мѣсто, полагая, что даже въ нашемъ сокращенномъ изложеніи разсказъ прочтется не безъ интереса.

Остановимся на его точкѣ зрѣнія.

Это почти свифтовская точка зрѣнія, хотя и безъ свифтовской силы. Въ другихъ произведеніяхъ Сенковскій выводилъ еще болѣе ничтожныя страсти, еще глубже проникалъ въ человѣческую пошлость и ничтожество. Въ отношеніи его къ людямъ, особенно русскимъ людямъ и русской публикѣ, замѣтно барское, аристократическое презрѣніе, иногда даже дерзость. Это презрѣніе умнаго, образованнаго и гордаго человѣка, несомнѣнно проникнутаго чувствомъ собственнаго достоинства къ темной, копошащейся у его ногъ массѣ пошлаго люда, всѣ мелкія страсти, надоѣдливыя похоти, дѣтскіе капризы, наивное тщеславіе, грубую жестокость котораго онъ видитъ слишкомъ ясно. Ненавидѣть это ничтожество нечего, тѣмъ менѣе слѣдуетъ плакать о немъ, самое законное отношеніе къ нему — отношеніе сатирическое.

И конечно Сенковскій былъ сатирикомъ. По своему взгляду на людей онъ больше всего напоминаетъ Свифта, но у него нѣтъ титанической силы презрѣнія, которая характеризуетъ великаго ирландца. Сенковскій никогда не доходилъ до той глубины отрицанія, до той мощи ненависти, которая помогла Свифту создать образъ Ягу и заставила его предпочесть лошадей людямъ. Сенковскій сатирикъ потому, что онъ слишкомъ ясно понималъ своихъ современниковъ, но у него не достало художественнаго творчества, чтобы воплотить свои богатыя наблюденія въ вѣчные типы.

Намъ уже не разъ приходилось указывать на отличительную черту характера Сенковскаго—его умъ. И повторяемъ, онъ былъ не просто умный человѣкъ, какихъ довольно много, это былъ умный человѣкъ прежде всего. Острая и холодная наблюдательность, ясный и прямолинейный взглядъ на жизнь, скептицизмъ, не покидающій его ни на минуту даже во время увлеченія, насмѣшка, заканчивающая собой восторженную тираду,—все это какъ нельзя болѣе естественно и необходимо для человѣка, у котораго разсудокъ работаетъ такъ энергично, что не даетъ простора ни сердцу, ни волѣ. Смотря на окружающее удивительно яснымъ, понимающимъ взглядомъ, Сенковскій чувствовалъ къ нему невольное презрѣніе. Пошлость, ничтожество, подхалимство бросались ему въ глаза прежде всего. Онъ такъ-же легко, какъ раскрытую книгу, читалъ въ душѣ меленькихъ людей, всѣхъ этихъ Булгариныхъ, Гречей и пр.,

которые копошились около него съ своими крошечными страстями, несоразмѣрнымъ тщеславіемъ, своими хамскими наклонностями. Ихъ-то онъ понималъ и видѣлъ насквозь, и въ этомъ случаѣ ему никакъ нельзя отказать въ большой проницательности. Но за то онъ какъ будто не замѣчалъ того великаго, что таилось въ жизни вокругъ и что нѣтъ-нѣтъ да и прорывалось наружу—и даже не случайными взрывами, а серьезными теченіями мысли. Сенковскому было дано постигнуть всю отрицательную сторону своей эпохи, добраться до самыхъ сокровенныхъ источниковъ и проявленій душевнаго ничтожества, но у него не хватило чутья, если угодно, проникновенія, чтобы понять, какія великія силы таились вокругъ него, какія славныя мысли зрѣли въ сторонѣ отъ того сквернаго болота, въ которое безнадежно погрязло большинство современниковъ. Очевидно, что Сенковскій могъ презирать ихъ, какъ презиралъ своихъ журнальныхъ враговъ: онъ ни на минуту не сомнѣвался, да и могъ-ли сомнѣваться, что причина злобы, возбуждаемой имъ, причина насмѣшекъ, клеветъ, доносовъ — все это личность и личность. Но, оцѣнивъ по достоинству Булгарина и ему подобныхъ, Сенковскій никогда не могъ возвыситься до пониманія такого врага, какъ Бѣлинскій: точка зрѣнія послѣдняго была ему очевидно не по плечу. Лишь изрѣдка Сенковскій давалъ просторъ таившимся у него глубоко-глубоко въ душѣ «романтическимъ чувствамъ». Тогда онъ писалъ такія вещи какъ «Любовь и смерть», или велъ переписку съ Ахматовой. Это были рѣдкія минуты, когда умный, постоянно насмѣшливо и скептически настроенный человѣкъ находилъ у себя въ сердцѣ порывы въ какую-то неясную и таинственную область, гдѣ скрывается загадка жизни. Но о нихъ еще наша рѣчь впереди...

* * *

При изложеніи личной жизни Сенковскаго мы постараемся не вдаваться въ большія подробности. Онѣ кажутся намъ излишними. Характеръ Сенковскаго, хотя и очень любопытный, не представляетъ однако трудностей для пониманія. Развитіе этого характера также не особенно интересно, такъ какъ онъ опредѣлился почти сразу, безъ потугъ и внутренней борьбы. Центръ нашей задачи—дать характеристику Сенковскаго, какъ русскаго журналиста, и намъ придется только мимоходомъ коснуться его ученой и профессорской дѣятельности. Сто томовъ «Библіотеки для Чтенія»—вотъ что мы постоянно будемъ имѣть въ виду, и если мы не представимъ читателю *полной* біографіи барона Брамбеуса между прочимъ и потому,

что на это нѣтъ необходимыхъ матеріаловъ, то взамѣнъ этого постараемся дать ему главу изъ исторіи русской журналистики тридцатыхъ годовъ, когда Сенковскому, какъ журналисту, дѣйствительно пришлось играть первую роль. Поэтому въ описаніи его дѣтства и юности будемъ по возможности кратки.

Оставимъ въ покоѣ отдаленныхъ предковъ Сенковскаго. Многіе изъ нихъ были въ свое время извѣстными писателями, воинами, дипломатами, не завѣщавшими однако послѣ себя ничего вѣчнаго. Всѣ они были кровные поляки, гордившіеся своимъ шляхетствомъ. Дѣдъ Осипа Ивановича, волковыскій староста, находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ, и въ царствованіе Екатерины сопровождалъ его въ Петербургъ. Отецъ воспитанъ былъ въ привычкахъ роскоши и мотовства—привычкахъ, которыя явились какъ бы наслѣдственными у его сына. Самъ Сенковскій никогда объ отцѣ не вспоминалъ, но, сопоставляя скудныя, дошедшія до насъ данныя, мы лично можемъ возстановить образъ блестящаго шляхтича, въ нѣсколько лѣтъ промотавшаго свое немаленькое состояніе, свое здоровье и даже репутацію. Послѣ немногихъ лѣтъ безшабашной жизни, у отца Сенковскаго осталось только родовое помѣстье его жены Антоколь, верстахъ въ пятидесяти отъ Вильны. Здѣсь-то 19-го марта 1800 г., въ день святого Іосифа, и родился впослѣдствіи знаменитый русскій журналистъ, послѣдняя отрасль фамиліи Сенковскихъ, котораго нарекли Іосифомъ-Юліаномъ.

Польское происхожденіе Сенковскаго—существенный фактъ его біографіи, который нельзя оставить безъ нѣкоторыхъ поясненій. Мы и дадимъ ихъ, чтобы больше уже не возвращаться къ этому, такъ какъ, признаться, это довольно скучная матерія. Поляки часто упрекали Сенковскаго въ отступничествѣ, русскіе люди не менѣе часто заподозрѣвали его въ лицемѣріи и третировали его какъ ренегата. Въ доносахъ Булгарина не разъ упоминается о *полякѣ* Сенковскомъ; министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, также не прочь былъ поставить ему въ вину его польское происхожденіе. Но любопытно, что самъ Сенковскій всю свою жизнь держался отъ польскаго дѣла въ сторонѣ—и съ русской точки зрѣнія Николаевской эпохи—былъ какъ нельзя болѣе благонамѣреннымъ. Презирая революцію и демократію, Сенковскій съ большой насмѣшкой относился и къ польскому движенію тридцатыхъ годовъ. Однажды онъ самъ какъ нельзя болѣе рѣзко и опредѣленно высказался по этому поводу. Въ сатирическомъ произведеніи «Большой выходъ Сатаны» мы

находимъ нижеслѣдующее описаніе чорта революцій: «Предсталъ чортъ старый, гадкій, оборванный, изувѣченный, грязный, отвратительный, съ всклокоченными волосами, съ однимъ выдолбленнымъ глазомъ, съ однимъ сломаннымъ рогомъ, съ когтями какъ у гіены, съ зубами безъ губъ, какъ у трупа, и съ большимъ пластыремъ, прилѣпленнымъ сзади, пониже хвоста. Подъ мышкою торчала у него кипа бумагъ, обрызганныхъ грязью и кровью; на головѣ — старая кучерская, лакированная шляпа, трехцвѣтная кокарда; за поясомъ кинжалъ и пара пистолетовъ, въ рукахъ—дубина и ржавое ружье безъ замка. Карманы его набиты были камнями изъ мостовой и кусками бутылочнаго стекла». Это чортъ бунта, по имени Астаротъ. Польская революція описывается такъ: «Потомъ, сказалъ Астаротъ, я пошевелилъ еще одну націю, жившую благополучно на сыпучихъ пескахъ по обѣимъ сторонамъ одной большой сѣверной рѣки. Вотъ ужь былъ истинно-забавный случай! Никогда еще не удавалось мнѣ такъ славно надуть людей, какъ въ томъ дѣлѣ; да правду сказать, никогда и не попадался мнѣ народъ такой легковѣрный. Я такъ искусно настроилъ ихъ, столь вскружилъ имъ голову, запуталъ всѣ понятія, что они дрались какъ сумасшедшіе втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, гибли, погибли и теперь еще не могутъ дать отчетъ, за что дрались и чего хотѣли. При сей оказіи, я имѣлъ счастіе доставить вамъ слишкомъ 100,000 самыхъ отчаянныхъ проклятыхъ!..»

Понятно теперь, почему Мицкевичъ называлъ Сенковскаго ренегатомъ; но менѣе понятно, почему русскіе люди не могли забыть его польскаго происхожденія и ожидали съ его стороны какой-нибудь выходки, зловредной для отечества.

Школьные годы Сенковскаго прошли какъ нельзя болѣе удачно. «Быстрыя способности при необыкновенной памяти, говорится въ біографіи, облегчили первоначальное домашнее воспитаніе мальчика. Происходило оно подъ надзоромъ образованной матери, которая до конца своей жизни (въ сороковыхъ годахъ) съ восторгомъ слѣдила за блистательными учеными и литературными успѣхами своего возлюбленнаго сына». Сенковскій рано познакомился съ классическими языками и четырнадцати лѣтъ поступилъ въ минскій коллегіумъ. Но тамъ онъ оставался недолго. Его учитель и другъ Гродекъ, профессоръ виленскаго университета, говорилъ, что въ коллегіумѣ ему нечего дѣлать, и посовѣтовалъ матери отпустить его поскорѣе въ Вильну, въ университетъ, гдѣ самъ читалъ греческую и латинскую словесность. «Мой наставникъ въ греческой литературѣ,

Гроддекъ, писалъ потомъ Сенковскій тридцать лѣтъ спустя, былъ одинъ изъ ученѣйшихъ нѣмцевъ, мастеръ на сводки, на разночтенія, извѣстный въ греко-латинскомъ мірѣ комментаторъ и издатель нѣсколькихъ трагедій Софокла и Еврипида. Эрудиція его казалась намъ еще громаднѣе его горба. Несмотря на изысканный педантизмъ, чтенія его приносили намъ большую пользу, осваивая съ текстами классическихъ поэтовъ. Первою нашей любовью былъ Гомеръ. Мы обожали этого слѣпого нищаго старика, мы проводили цѣлыя ночи въ обществѣ несравненнаго іонійскаго бродяги, слушая его бойкіе живописные разсказы. Съ восторгомъ, но безъ восторженности, безъ ученыхъ преданій, безъ теорій, бесѣдовали мы съ нимъ объ этомъ странномъ мірѣ, изъ котораго прикочевалъ онъ пѣть намъ свои уличныя рапсодіи. Счастливыя времена, счастливые нравы, сладкія воспоминанія»!

Здѣсь-же, въ виленскомъ университетѣ, благодаря лекціямъ Лелевеля и наставленіямъ того-же Гроддека, Сенковскій заинтересовался Востокомъ. «Гроддекъ—вспоминаетъ Сенковскій—заохочивалъ насъ къ изученію Востока, его нравовъ, понятій, литературъ и говорилъ: «черезъ него вы яснѣе поймете древнюю Грецію. Востокомъ объясняется Греція, Греціей — Востокъ; они родились, выросли и умерли вмѣстѣ. Ройтесь во всѣхъ развалинахъ, сравнивайте все, что ни найдете здѣсь и тамъ; тутъ есть сокровища, еще невѣдомыя нынѣшнему разуму». Сенковскій, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, принялся самоучкою за изученіе арабскаго, еврейскаго и другихъ восточныхъ языковъ.

Кстати отмѣчаемъ любопытный фактъ: Сенковскаго постоянно тянуло на Востокъ. Что находилъ онъ тамъ, въ этой странѣ знойнаго солнца, песчаныхъ пустынь, грандіозныхъ развалинъ когда-то великой цивилизаціи, холодныхъ фонтановъ, черноокихъ дѣвъ, таинственно прикрытыхъ длиннымъ покрываломъ, въ той странѣ наконецъ, гдѣ смѣлая, прихотливая и свободная фантазія такъ легко уживается съ ужаснымъ рабствомъ дѣйствительной жизни? Нисколько не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ: Сенковскому на Востокѣ нравилось все. На всемъ, написанномъ имъ, замѣтенъ колоритъ Востока, и его воображеніе съ особеннымъ удовольствіемъ рисовало картины, подобныя картинамъ изъ «Тысячи и одной ночи». Тутъ есть на чемъ разгуляться, есть на чемъ отдохнуть глазу, есть достаточно матеріала для удовлетворенія всякой умственной прихоти.

То и дѣло возвращается онъ къ Нубіи, Сиріи, Кордофану, то и дѣло заимствуетъ образы изъ восточныхъ писателей; ему нужны

пестрыя краски восточной жизни, прихотливыя письмена, разноцвѣтные узоры ковровъ, рѣзкая красота восточныхъ женщинъ, богатства восточной природы, зной солнца въ пустыняхъ Сиріи. Поэзія русской дѣйствительности была совершенно незнакома ему. Онъ никогда не могъ понять стихотворенія Лермонтова: «Люблю я родину, но странною любовью»; ему былъ противенъ Гоголь съ своими Петрушками, Селифанами, Ноздревыми и Собакевичами. Онъ морщился отъ подобнаго рода картинъ, морщился такъ-же искренне, какъ искренне восхищался пестрой красотой восточной жизни.

Но вернемся къ разсказу.

Въ Сенковскомъ рано проявились двѣ особенности его дарованія—стремленіе къ энциклопедичности и юморъ. Онъ увлекался Востокомъ, но это нисколько не мѣшало ему заниматься медициной, естественными науками, литературой и исторіей. Какъ юмористъ, онъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ «Товарищества шалуновъ» («towarzystwo szubrawcow»), въ которомъ предсѣдательствовалъ профессоръ виленскаго университета, филологъ Снядецкій. Веселое товарищество издавало въ концѣ 1816 г. юмористическій листокъ, имѣвшій огромный успѣхъ въ публикѣ. Сенковскій былъ въ этомъ журналѣ однимъ изъ остроумнѣйшихъ сотрудниковъ. Въ то-же время, какъ бы желая показать, что шутка не мѣшаетъ дѣлу, онъ перевелъ съ арабскаго языка басни Локмана и издалъ ихъ въ 1818 г. въ польскомъ переводѣ, съ введеніемъ и примѣчаніями, посвятивъ книжку «Товариществу шалуновъ» отъ «непремѣннаго его члена». Это были первые шаги его на поприщѣ литературы. Ему шелъ только 19-ый годъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого онъ окончилъ университетскій курсъ. Профессора возлагали на него большія надежды и предполагали отправить за-границу, но Сенковскій бредилъ только Востокомъ. Онъ задумалъ отправиться туда путешествовать, и даже недостатокъ денегъ не останавливалъ его. Деньги впрочемъ нашлись. Почти наканунѣ отъѣзда, Сенковскій женился на одной виленской перезрѣлой красавицѣ, которая, вмѣстѣ съ рукой и сердцемъ, доставила ему и нужныя на поѣздку деньги. Самъ Сенковскій въ 1834 г. описывалъ свои путешествія на Востокъ слѣдующимъ образомъ:

«Съ жадностью къ наукѣ, писалъ въ 1834 году мнимый Осипъ Морозовъ, — съ тою довѣренностью къ своимъ силамъ, съ тѣмъ презрѣніемъ здоровья и упрямствомъ въ достиженіи возмечтанной цѣли, которыя легко себѣ представить въ неопытномъ человѣкѣ лѣтъ двадцати, я нѣкогда бросился, безъ проводника и пособія, въ этотъ

неизмѣримый чертогъ природы—одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ чертоговъ, воздвигнутыхъ ею на землѣ въ ознаменованіе своего могущества,—не разсуждая объ опасности не выйдти изъ лабиринта заоблачныхъ вершинъ, на которыхъ можно замерзнуть среди лѣта, и раскаленныхъ пропастей, гдѣ органическая жизнь жарится въ самой страшной духотѣ, какую только солнце производитъ. Ограниченныя средства повелѣвали мнѣ узнавать скоро все, что я могъ узнать въ томъ краю, и не забывать ничего, однажды пріобрѣтеннаго памятью. Съ пóтомъ чела перетаскивалъ я свои книги съ одной горы на другую — книги были все мое имущество — и рвалъ свое горло въ глуши, силясь достигнуть чистаго произношенія арабскаго языка, котораго звучность въ устахъ друза или бедуина, похожая на серебряный голосъ колокольчика, заключеннаго въ человѣческой груди, плѣняла мое ухо новостью и приводила въ отчаяніе своею неподражаемостью. Уединенныя ущелія Кесревана, окружая меня колоннадою черныхъ утесовъ, вторили моимъ усиліямъ: я нерѣдко самъ принужденъ былъ улыбнуться надъ своимъ тщеславіемъ лингвиста при видѣ, какъ хамелеоны, весело пробѣгавшіе по скаламъ, останавливались подлѣ меня, раскрывали ротъ и дивились пронзительности гортанныхъ звуковъ, которые съ такимъ напряженіемъ добывалъ я изъ глубины легкихъ. Возвратясь въ конурку, занимаемую въ какомъ нибудь маронитскомъ монастырѣ, я также отчаянно терзалъ свои силы надъ сирскими и арабскими рукописями, отысканными въ скудной библіотекѣ грамотнаго монаха: поспѣшно списывалъ любопытнѣйшія изъ нихъ, читалъ наскоро тѣ, которыхъ не успѣвалъ списать, дѣлалъ извлеченія, отмѣчалъ найденныя изъ нихъ живописнѣйшія фразы или заслышанные идіотизмы разговорнаго языка, и твердилъ ихъ наизусть всю ночь.

«Два, много три часа отдыха на голой плитѣ, съ словаремъ вмѣсто подушки, были достаточны для возобновленія бодрости къ новымъ, столь же насильственнымъ занятіямъ, которыя прерывались только охотою за бѣгающимъ по сырымъ стѣнамъ келіи скорпіономъ, или абу-борейсомъ, ящерицею невинною, даже красивою, но поселявшею во мнѣ непреодолимое отвращеніе.

«Исчерпавъ въ нѣсколько дней мудрость бѣдной обители, я отправлялся далѣе искать новыхъ впечатлѣній и раздѣлять съ другими отшельниками блюдо вареной въ деревянномъ маслѣ чечевицы. Такъ провелъ я шесть или семь мѣсяцевъ, пока неумѣренное напряженіе умственныхъ и тѣлесныхъ силъ, грубая и нездоровая пища, усталость и лишенія всякаго рода не остановили моей пылкости опасною

болѣзнію, которая заронила въ мою грудь зародышъ постояннаго страданія—быть можетъ преждевременной смерти.—Усилія мои въ изученіи мѣстнаго арабскаго нарѣчія увѣнчались успѣхомъ, который льстилъ моему самолюбію: я сознаюсь въ этомъ безъ ложной скромности, такъ же смѣло, какъ бы сказалъ, что выучился чисто работать скобелемъ, еслибъ когда нибудь занимался столярнымъ дѣломъ. Между этимъ упражненіемъ и наукою языковъ я усматриваю большое сходство: первое—механическое дѣло руки, второе—механическое дѣло органовъ памяти, жеванія и глотанія. Но преодолѣнная трудность всегда дѣлается для насъ, даже и въ столярномъ ремеслѣ, источникомъ самодовольства и гордости: я считалъ себя почти равнымъ Аристотелю, когда аравитяне, которые къ своему языку проникнуты настоящимъ обожаніемъ любовниковъ и новые каламбуры, быть можетъ весьма основательно, цѣнятъ такъ-же высоко, какъ мы новыя мысли, называли меня фейлусуфъ, философомъ, за то, что я хорошо произносилъ ихъ гортанныя буквы, или спорили со мною, что я не франкъ, а долженъ быть ибнъ-эль-арабъ, арабскій сынъ. Мнѣ удалось состряпать десятокъ дурныхъ арабскихъ стиховъ, которые имѣли большой успѣхъ въ околоткѣ, и слава моя распространилась на нѣсколько смежныхъ горъ.

«Шейхи (дворяне) маронитовъ и друзовъ часто заѣзжали ко мнѣ выкурить трубку джебели съ любопытнымъ франкомъ, который «знаетъ толкъ», и освѣдомиться о политическихъ новостяхъ Европы: здоровъ ли папа? что дѣлаетъ фагфуръ, китайскій императоръ? и прочая».

Путешествіе Сенковскаго продолжалось не многимъ болѣе 2-хъ лѣтъ, считая со дня отъѣзда его изъ Вильны. Онъ вернулся съ богатымъ запасомъ свѣдѣній по восточной лингвистикѣ, вывезъ массу цѣнныхъ наблюденій и не мало любопытныхъ памятниковъ старины. Любая карьера улыбалась передъ нимъ и между прочимъ даже служебная. Еще во время поѣздки ему удалось получить хорошее мѣсто при константинопольской миссіи; когда-же онъ вернулся въ Россію, то графъ Румянцевъ поспѣшилъ опредѣлить его переводчикомъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ 1821 г. Сенковскій былъ подвергнутъ оффиціальному испытанію при академіи наукъ и получилъ блестящую аттестацію отъ профессора Френка. Въ 1822 г. его назначили профессоромъ петербургскаго университета по кафедрѣ излюбленнаго имъ арабскаго языка. Слѣдующее за этимъ годомъ десятилѣтіе посвящено было Сенковскимъ главнымъ образомъ ученымъ трудамъ, говорить о которыхъ мы не будемъ, такъ какъ об-

щаго интереса они не имѣютъ, и замѣтимъ только, что его переводы. изданія, лингвистическія и грамматическія изслѣдованія высоко цѣнились современниками. Въ 1828 г. онъ былъ назначенъ цензоромъ въ петербургскій цензурный комитетъ; въ томъ же году онъ развелся съ своею первою женою, а въ слѣдующемъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью бывшаго придворнаго банкира барона Ралля, Аделаидою Александровною, весьма образованной и милой дамой, какъ выражается г. Савельевъ, мало образованной и отнюдь не милой дамой, какъ говоритъ Е. Ахматова.

О Сенковскомъ какъ профессорѣ достаточно сказать нѣсколько словъ. Онъ *могъ* читать блестящія лекціи,—въ этомъ никто не сомнѣвается, и читалъ ихъ, пока не занялся журналистикой. Потомъ каѳедра наскучила ему и онъ цѣлые годы тянулъ свое профессорское дѣло лишь ради пенсіи. При этихъ условіяхъ исполнялось оно конечно неважно. Покойный Никитенко сохранилъ намъ между прочимъ въ своемъ дневникѣ маленькую сценку, въ которой онъ разсказываетъ, какъ однажды въ университетскихъ корридорахъ онъ встрѣтилъ кучку студентовъ, «возмущенныхъ грубостью Сенковскаго». Гдѣ и куда дѣлись эти студенты и чѣмъ кончилось ихъ «возмущеніе»—мы не знаемъ, но эпизодъ приводимъ какъ любопытный. Грубое, презрительное отношеніе къ другимъ—характерная черта героя нашей біографіи. «Маленькаго роста, джентльменски одѣтый, въ лакированныхъ ботинкахъ, съ гордо поднятой головою, съ презрительной улыбкой и презрительнымъ взглядомъ—таковъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій», — если вѣрить его современнику, видѣвшему его около этой эпохи.

Но мимо всего этого. Не будемъ наполнять страницы мало интересными, ничуть для Сенковскаго не характерными данными. Біографія такого размѣра, какъ наша, по необходимости превращается въ характеристику, самъ-же Сенковскій интересенъ для насъ прежде всего какъ журналистъ. Замѣтимъ только, что въ результатѣ этихъ упорныхъ ученыхъ занятій появился вполнѣ поевропейски образованный человѣкъ, о громадныхъ познаніяхъ котораго вотъ что между прочимъ говоритъ Дружининъ:

«Во всей современной ему (Сенковскому) русской литературѣ не находилось человѣка, который въ качествахъ, необходимыхъ для журналиста, могъ бы соперничать съ основателемъ «Библіотеки для Чтенія». По высокому, солидному, многостороннему образованію, Сенковскій могъ назваться первымъ изъ первыхъ литераторовъ своего времени. Кромѣ языковъ древнихъ и восточныхъ, онъ зналъ

въ совершенствѣ языки: русскій, французскій, англійскій, итальянскій и польскій; кромѣ глубокихъ свѣдѣній по отрасли наукъ, которымъ преимущественно посвятилъ онъ свои занятія въ молодости (восточные языки и восточная литература), онъ имѣлъ обширныя познанія въ наукахъ естественныхъ и политическихъ. Читая безпрестанно и владѣя удивительною памятью, Осипъ Ивановичъ, когда еще его здоровье допускало «излишество труда», слѣдилъ за всѣми не только первостепенными, но и второстепенными и третьестепенными явленіями современной науки и словесности. Онъ могъ бесѣдовать съ первоклассныиъ медикомъ и удивлять его своими познаніями въ области медицинскихъ наукъ; первостепенные европейскіе виртуозы отдавали справедливость его парадоксальнымъ, но глубокимъ взглядамъ на сокровенные законы ихъ искуства; экономистъ, разговаривая съ Осипомъ Ивановичемъ, видѣлъ, что ему знакомы труды всѣхъ европейскихъ, особенно англійскихъ писателей по части политической экономіи. Понятно, что при обладаніи такими средствами, Сенковскій могъ вести и велъ свое періодическое изданіе несравненно лучше, чѣмъ его сверстники вели свои журналы».

Для характеристики же литературной дѣятельности Сенковскаго за это время, скажемъ нѣсколько словъ по поводу его фантастическихъ путешествій.

Признаюсь, я лично съ величайшимъ удовольствіемъ перечиталъ «Фантастическія путешествія барона Брамбеуса». Очевидно, что тема ихъ какъ нельзя болѣе подошла къ таланту автора и онъ справился съ нею легко и свободно. Сенковскій въ этомъ своемъ произведеніи добился того, о чемъ мечтаетъ каждый писатель: полной, ни чѣмъ не стѣсненной свободы. Онъ играетъ своимъ предметомъ будто мячикомъ—то отбросить отъ себя въ сторону, то поймаетъ опять и прижметъ близко-близко къ себѣ. Иногда впродолженіе цѣлыхъ страницъ онъ какъ будто забываетъ о темѣ, разсуждаетъ о чемъ пришло въ голову, разсуждаетъ бойко, остроумно, потомъ, точно спохватившись, съ улыбкой возвращается къ разсказу и продолжаетъ его съ прежней легкостью. Мнѣ лично, какъ нельзя болѣе по душѣ эта независимость ума, эта гибкость игривой фантазіи, эта способность быстро переходить отъ одного настроенія къ другому. Не буду вызывать великія тѣни Раблэ, Монтаня, Вольтера, чтобы поставить рядомъ съ ними Сенковскаго и тѣмъ польстить ему. Конечно, онъ много, слишкомъ даже много ниже ихъ, но въ немъ есть кое-что общее съ этими недосягаемыми представителями умственной гибкости, общее по типу, а не по степени. Хотите послушать, какъ остритъ

баронъ Брамбеусъ? Вотъ напримѣръ его отзывъ о гіероглифахъ: «Въ короткое время я сдѣлалъ удивительные успѣхи въ чтеніи этихъ таинственныхъ письменъ; свободно читалъ надписи на обелискахъ и пирамидахъ, объяснялъ муміи, переводилъ папирусы, сочинялъ іероглифическія коймы для салфетокъ и самъ даже открылъ половину одной египетской, дотолѣ неизвѣстной буквы, за что покойный Шампольонъ обѣщалъ доставить мнѣ безсмертіе, упомянувъ обо мнѣ въ выноскѣ къ своему сочиненію. Правда, что г. Гульяновъ оспаривалъ основательность нашей системы и предлагалъ другой, имъ самимъ придуманный способъ чтенія іероглифовъ, по которому смыслъ даннаго текста выходитъ совершенно противный тому, какой получается, читая его по Шампольону, но это не должно никого приводить въ смущеніе, и споръ двухъ ученыхъ мужей я могу рѣшить однимъ словомъ: метода, предначертанная Шампольономъ, такъ умна и замысловата, что ежели египетскіе жрецы въ самомъ дѣлѣ были такъ мудры, какъ изображаютъ ихъ древніе, они не могли и не должны были читать своихъ іероглифовъ иначе какъ по нашей методѣ; изобрѣтенная-же г. Гульяновымъ іероглифическая азбука, такъ нехитра, что если гдѣ и когда либо была она въ употребленіи, то развѣ у египетскихъ дьячковъ и пономарей, съ которыми мы не хотимъ имѣть дѣла. Суть-же нашей системы сводится къ тому, что всякій іероглифъ есть или буква, или метафорическая фигура, изображающая то или другое понятіе, или ни буква, ни фигура, а только произвольное украшеніе почерка. Итакъ нѣтъ ничего легче, какъ читать іероглифы: гдѣ не выходитъ смысла по буквамъ, тамъ должно толковать ихъ метафорически; если нельзя подобрать метафоры, то позволяется совсѣмъ пропустить іероглифъ и перейти къ слѣдующему, понятнѣйшему». За это и подобныя ему мѣста барона Брамбеуса упрекали въ неуваженіи къ наукѣ. Помилуйте, какъ можно не вѣрить въ науку?—восклицала критика. Однако если начать упрекать Сенковскаго за невѣріе, то придется дѣлать это въ отношеніи не только науки, а чего-то гораздо большаго. Фантастическія путешествія насквозь проникнуты скептицизмомъ. Остановимся нѣсколько на одномъ изъ нихъ—ученомъ.

Сюжетъ его слѣдующій.

Самъ авторъ, докторъ философіи Шпурцманнъ и оберъ-бергъ-пробирмейстеръ 7-го класса Иванъ Антоновичъ Страбинскій послѣ долгой поѣздки по рѣкѣ Ленѣ прибыли наконецъ къ ея устью. Ѣхали довольно весело. «Невозможно представить себѣ ничего забавнѣе почтеннаго испытателя природы, доктора Шпурцманна, согнутаго ду-

гою, на тощей лошади и увѣшаннаго со всѣхъ сторонъ ружьями, пистолетами, барометрами, термометрами, змѣиными кожами, бобровыми хвостами, набитыми соломою сусликами и птицами, изъ которыхъ одного ястреба, за недостаткомъ мѣста за спиною и на груди, посадилъ онъ-было у себя на шапкѣ. Въ селеніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали, суевѣрные якуты принимали его за великаго странствующаго шамана, съ благоговѣніемъ подносили ему кумысу и сушеной рыбы и всячески старались его заставить хоть немножко пошаманить надъ ними. Докторъ сердился и бранилъ якутовъ по-нѣмецки. Тѣ, полагая, что онъ говоритъ съ ними священнымъ тибетскимъ нарѣчіемъ, еще болѣе оказывали ему почтенія и настоятельнѣе просили изгонять изъ нихъ чертей». Послѣ подобнаго рода комическихъ эпизодовъ путешественники прибыли къ устью великой сибирской рѣки и тутъ, къ немалому своему изумленію, наткнулись на высокую скалу, всѣ стѣны которой были исписаны таинственными знаками. Любопытство овладѣло ими, безсмертіе и слава мерещились имъ, и они принялись разбирать надписи. Къ счастью оказались іероглифы, а читать ихъ, какъ мы видѣли, «очень просто». Каковъ-же былъ восторгъ путешественниковъ, когда, прочтя нѣсколько словъ, они убѣдились, что передъ ними разсказъ человѣка-очевидца большого потопа. Этотъ разсказъ — цѣлый романъ съ прихотливыми сплетеніями любовной интриги, трагическими описаніями смерти, остроумными монологами ученыхъ педантовъ...

Въ той свободѣ, съ которой Сенковскій отдавался своему настроенію, такъ легко и смѣло переходилъ отъ одной картины къ другой, есть много увлекательнаго. Онъ остритъ, шутитъ, смѣется на каждой страницѣ, не всегда даже знаетъ мѣру остроумія, но стоитъ только посмотрѣть за прихотливыя арабески фантазіи, вникнуть въ смыслъ разсказа — и передъ нами развертывается настоящая трагическая эпопея.

Веселое общество, не мучимое никакими тревогами и сомнѣніями, легкомысленное и дѣтски-наивное, занятое игрой своихъ страстей, своего самолюбія и тщеславія, — живетъ изо дня въ день, повторяя изстари заведенную пѣсню. Влюбляются, ревнуютъ, враждуютъ, сердятся, смѣются — и тянется цѣлые годы и вѣка маленькое, пошлое существованіе. Передъ читателемъ выступаютъ: ученый колпакъ-астрономъ Шимшикъ, для котораго въ жизни нѣтъ болѣе серьезной цѣли, какъ доказать, что его противникъ ошибается; легкомысленная и легкокрылая Саяна, хорошенькая кокетка, вся погруженная въ любовныя интриги; — цѣлая коллекція бездѣльныхъ юныхъ джентль-

меновъ, домовитыхъ стариковъ. Что за безтолковая, что за безсмысленная жизнь! Одинъ собираетъ археологическія коллекціи, другой по-уши погрузился въ гастрономію, третій—въ свои страсти, четвертый—въ наряды, балы, развлеченія. И ни у кого нѣтъ мысли, что такъ жить нельзя, что есть что-то великое и таинственное въ земномъ бытіи человѣка... И вдругъ на это праздное, легкомысленное общество надвигается смерть. Неожиданно явилась она, принесенная кометой, неожиданно взбунтовались воды и суша. Города разрушены, всѣ низменности залиты водой, люди въ ужасѣ спасаются на высокія мѣста, но вода медленно и неотвратимо подбирается къ нимъ.

Два человѣка спаслись отъ потопа на высокой скалѣ. Одинъ—это тотъ, кто оставилъ описаніе потопа, другой — кокетливая, хорошенькая Саяна. Вотъ маленькая заключительная сценка: «Я пытался однакоже доставить моей подругѣ облегченіе, но она отринула всѣ мои услуги. Пришедши въ себя, она плакала и не говорила со мною. Я поклялся впередъ не мѣшать ея горести. Мы поворотились другъ къ другу спиной и такъ провели двое сутокъ. Между тѣмъ голодъ повергалъ меня въ изступленіе: я кусалъ самого себя.—«Саяна, воскликнулъ я, срываясь съ камня, на которомъ сидѣлъ, погруженный въ печальныя думы. Саяна!.. Посмотри!.. Вода уже потопила входъ въ пещеру».—Она оборотилась къ отверстію и смотрѣла безчувственными, окаменѣлыми глазами.—«Видишь ли эту воду, Саяна? то нашъ гробъ». Она все еще смотрѣла, страшно, неподвижно, молча и какъ будто ничего не видя.—«Ты не отвѣчаешь, Саяна?»—Она закричала сумасшедшимъ голосомъ, бросилась въ мои объятія и сильно-сильно прижала меня къ своей груди. Это судорожное пожатіе продолжалось нѣсколько минутъ и ослабѣло однимъ разомъ. Голова ея упала на мою руку; я съ умиленіемъ погружалъ взоръ свой въ ея глаза и долго не сводилъ его съ нихъ. Я видѣлъ внутри ея томныя движенія нѣкогда пылкой страсти самолюбія; видѣлъ сквозь сухое стекло глазъ, какъ въ душѣ ея, подобно волшебнымъ тѣнямъ на полотнѣ, проходили туманные образы всѣхъ по порядку прежнихъ ея обожателей. Вдругъ мнѣ показалось, будто въ томъ числѣ промелькнулъ и мой образъ. Слезы брызнули у меня дождемъ: нѣсколько изъ нихъ упало на ея уста—и она съ жадностью проглотила ихъ, чтобы утолить свой голодъ. Бѣдная Саяна!.. Я спаялъ мои уста съ ея устами искреннимъ, сердечнымъ поцѣлуемъ и нѣсколько времени оставался безъ памяти, въ этомъ положеніи. Когда я очнулся, она была уже холодна, какъ мраморъ... Я рыдалъ цѣлый день надъ ея трупомъ. Несчастная Саяна!.. Кто препятствовалъ тебѣ умереть счастливою на

лонѣ истинной любви?.. Ты не знала этой нѣжной, роскошной страсти. Нѣтъ, ты ея не знала и родилась женщиною только изъ тщеславія... Я однакожe и тогда еще обожалъ ее, какъ въ то время, когда произносили мы первую клятву любить другъ друга до гробовой доски. Я цѣловалъ тѣло ея страстными поцѣлуями. Вдругъ почувствовалъ я въ себѣ жгучій припадокъ голода и въ остервенѣніи запустилъ алчные зубы въ бѣлое мягкое тѣло, которое осыпалъ поцѣлуями... Но я опомнился, и съ ужасомъ отскочилъ къ стѣнѣ...»

Читатель навѣрное слыхалъ о Сенковскомъ самъ кое-что и большая часть этого кое-что, надо думать, не особенно лестная. Но отдадимъ ему хотя ту справедливость, что въ немъ былъ несомнѣнный поэтическій талантъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, пока не задушила его постоянная журнальная работа. Въ немъ были и глубокія мысли, и если хотите убѣдиться этомъ, то просмотрите его повѣсть «Любовь и смерть» или вотъ это самое путешествіе на ученый островъ, которое намъ пришлось передать лишь вкратцѣ. Мысль этого произведенія—большая мысль; не она ли представлялась Гоголю, когда онъ писалъ въ своей памятной книжкѣ: «городъ... пустословіе... сплетни... праздная жизнь, пустая и ничтожная... И вдругъ является смерть—непрошенный гость—откуда-то... Выхватываетъ жертву... Недоумѣваютъ и принимаются за старое»...

Та-же мысль воодушевила Сенковскаго. Не всякое время симпатизируетъ ей, не во всякую эпоху привлечетъ она вниманіе. Но это большая мысль, въ которой вылилась частичка вѣчной проблеммы, заданной человѣку: «зачѣмъ онъ здѣсь на землѣ». Надо быть поэтомъ, надо имѣть глубину душевную, чтобы проникнуться ей...

III.

Начало „Библіотеки для Чтенія".—Сенковскій какъ редакторъ.—Литературные нравы 30-хъ годовъ.—Характеристика „Библіотеки для Чтенія".—Сенковскій какъ критикъ.—Что далъ обществу его журналъ.

Въ концѣ 1833 года появилось отъ имени Смирдина объявленіе объ изданіи «Библіотеки для Чтенія». Редакторами журнала названы были Н. И. Гречъ и О. И. Сенковскій, сотрудниками—почти всѣ литературныя извѣстности, числомъ до шестидесяти. Журналъ обѣщалъ выходить съ января 1834 г. книжками около 20 печатныхъ листовъ. По содержанію онъ раздѣлялся на 7 отдѣловъ—рус-

ская словесность, словесность иностранная, науки и художества, промышленность и сельское хозяйство, критика, литературная лѣтопись и наконецъ смѣсь. Онъ обѣщался остаться чуждымъ всякаго духа партій, не входить въ споры съ другими журналами, не отвѣчать на выходки и критики, не принимать антикритикъ.

Нельзя не согласиться, что время для изданія новаго журнала было выбрано какъ нельзя болѣе удачно: «Московскій Телеграфъ» только-что замолчалъ, между тѣмъ какъ шумъ, произведенный его блестящей карьерой и неожиданной гибелью, еще не улегся. «Московскій Телеграфъ» первый пріучилъ публику къ журналу и послѣ него осталось пустое пространство, наполнить которое и взялась «Библіотека для Чтенія». Мы увидимъ, какъ исполнила она свою задачу, пока же замѣтимъ, что между нею и ея предшественникомъ была серьезная разница, что видно между прочимъ и изъ приведеннаго выше объявленія. «Московскій Телеграфъ» былъ журналъ боевой, не съ особенно широкими, но вполнѣ опредѣленными цѣлями, его редакторъ—Н. И. Полевой—сумѣлъ соединить свои симпатіи и антипатіи съ общественными движеніями; подъ прикрытіемъ литературной критики и романтическаго направленія, «Московскій Телеграфъ» зачастую затрогивалъ очень серьезные общественные вопросы; онъ наконецъ былъ органомъ извѣстнаго направленія. Не то «Библіотека для Чтенія». Съ перваго своего появленія, она выставила энциклопедическую программу, которой и держалась худо или хорошо до конца своихъ дней. Отмѣтимъ еще характерную сторону объявленія: журналъ обѣщалъ быть чуждымъ всякаго духа партій и не вступать ни въ какую полемику. Не совсѣмъ ясно, на какія это партіи дѣлается намекъ, ибо въ то время никакихъ партій не было да и быть не могло, такъ какъ начальство очень подозрительно къ нимъ относилось и предпочитало единодушіе, а въ случаѣ надобности даже настаивало на немъ,—но все-же, повторяю, это торжественное обѣщаніе—быть внѣ партій—характерно и на-ряду съ прочимъ должно было говорить объ энциклопедическомъ характерѣ будущаго журнала. Нежеланіе полемизировать указывало съ одной стороны на попытку собрать если и не подъ однимъ знаменемъ, то по крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ всѣ литературныя силы, а съ другой стороны—успокоить публику, которой всѣ эти литературныя дрязги начали уже пріѣдаться. Вѣдь если припомнить, что этими критиками и антикритиками наполнялись въ то время цѣлые журнальные томы, что «Московскому Телеграфу» приходилось даже издавать особенныя полемическія прибавленія, что литераторы грызли другъ друга, со-

всѣмъ не по-человѣчески, что читателю случалось встрѣчать цѣлые десятки страницъ, посвященныхъ «безграмотству» такого-то, въ которыхъ доказывалось, что такой-то — оставляя уже въ сторонѣ вопросъ о его добродѣтели и нравственныхъ качествахъ вообще — не умѣетъ писать по-русски, не понимаетъ правилъ, относящихся къ разстановкѣ знаковъ препинанія и пр., и пр., что подобнаго рода нападки опровергались, вызывали новыя нападки и новыя опроверженія,—то ясно, что какъ ни простъ былъ читатель того времени, а все-же ему приходилось невтерпежъ.

«Библіотека для Чтенія», оставляя въ сторонѣ полемику и антикритику, обѣщала прежде всего быть интересной и разнообразной. Предполагался повидимому ежемѣсячный альманахъ, въ которомъ каждый могъ найти все, что ему было по вкусу и по силамъ разумѣнія. Публика отнеслась къ этому съ полнымъ сочувствіемъ. Наканунѣ новаго года явилась первая книжка «Библіотеки для Чтенія» и произвела большое впечатлѣніе. Начиная съ объема и наружности, все превосходило ожиданія. Вмѣсто 20 обѣщанныхъ листовъ дано было 40, книга была напечатана въ лучшей типографіи, на хорошей бумагѣ, не то что сѣробумажные журналы того времени, къ которымъ какъ нельзя болѣе примѣнимы слова лермонтовскаго читателя:

«И я скажу—нужна отвага,
Чтобы... открыть хоть вашъ журналъ
(Онъ мнѣ ужь руки обломалъ):
Во-первыхъ—сѣрая бумага,
Она быть можетъ и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ,
Читаешь—сотни опечатокъ»...

Въ книгѣ фигурировали всѣ знаменитости. Мы встрѣчаемъ имена Пушкина, Жуковскаго, Козлова, Греча, Булгарина, Полевого, Погодина и другихъ. Самъ Сенковскій для перваго нумера далъ научную статью о «Скандинавскихъ сагахъ», остроумную и оригинальную повѣсть подъ названіемъ «Женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ», гдѣ очень талантливо разсказана судьба какой-то бѣдной институтки, влюбившейся въ шелопая, и критическую статью, бойко опровергавшую всѣ правила всѣхъ риторикъ и піитикъ.

Съ этой поры началась поразительная по объему и разнообразію журнальная дѣятельность Сенковскаго. «Библіотеку для Чтенія» онъ сразу забралъ въ свои руки и сталъ единовластно распоряжаться ею. Онъ не жалѣлъ себя, здоровья, силъ, былъ единственнымъ редакторомъ и единственнымъ сотрудникомъ. Полная тревогъ

и волненій, кропотливой и спѣшной работы жизнь журналиста увлекала его. Онъ чувствовалъ, что это истинное его призваніе и всѣмъ жертвовалъ для него. Надо десятки страницъ, чтобы перечислить только заголовки его статей; едва-едва умѣщаются статьи эти въ десяти томахъ. Но это конечно только часть работы—и притомъ маленькая часть. Другая, неизмѣримо большая—работа редактора—теперь едва замѣтна и такъ хорошо забыта, что трудно и напомнить о ней.

Кромѣ Сенковскаго, «Библ. для Чт.» имѣла еще отвѣтственныхъ передъ правительствомъ редакторовъ, въ первый годъ извѣстнаго грамматиста Н. Г. Греча, во второй—Крылова. Но ни тотъ, ни другой никакого участія въ дѣлѣ не принимали и о редакторствѣ послѣдняго «Библіотека для Чтенія» извѣщала читателей (въ октябрѣ 1835 г.) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «За кометой мы совсѣмъ забыли одно обстоятельство, о которомъ давно слѣдовало извѣстить нашихъ читателей: еще съ мая мѣсяца «Библ. для Чт.» лишилась лестнаго руководства, которое принялъ-было на себя знаменитый нашъ поэтъ И. А. Крыловъ. Преклонность лѣтъ не дозволила ему продолжать мучительныхъ занятій редактора». Когда Сенковскій получилъ наконецъ разрѣшеніе объявить себя гласно редакторомъ, онъ объявилъ о томъ (въ августѣ 1836 г.) въ слѣдующихъ словахъ: «Для отклоненія неумѣстныхъ догадокъ и толковъ, считаемъ нужнымъ сказать откровенно, что съ самаго начала существованія этого журнала, какъ то почти всѣмъ извѣстно, настоящимъ его редакторомъ былъ всегда самъ директоръ и общій съ издателемъ владѣлецъ его, О. И. Сенковскій, и что никто въ свѣтѣ, кромѣ г. Сенковскаго, не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на составъ и содержаніе «Библ. для Чтенія». Всѣ ея недостатки, равно какъ и всѣ достоинства, если какія были, должны быть приписаны ему одному. Тѣ, которые носили званіе редакторовъ «Библ. для Чт.», слишкомъ невинны въ ея недостаткахъ, чтобы отвѣчать за нихъ передъ публикою, и слишкомъ благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства, въ которыхъ они не имѣли никакого участія. Весь кругъ ихъ редакторскаго дѣйствія ограничивался чтеніемъ третьей, послѣдней корректуры уже готовыхъ, оттиснутыхъ листовъ, набранныхъ въ типографіи по рукописямъ, которыя никогда не сообщались имъ предварительно. Тѣ изъ нихъ, которые притомъ давали свои статьи, давали ихъ какъ сотрудники, а не какъ редакторы, и помѣщеніе этихъ статей зависѣло вполнѣ отъ директора журнала. О. И. Сенковскій, убѣдясь двухлѣтнимъ опытомъ, что этого рода содѣйствіе постороннихъ редакторовъ нисколько не облегчало

его въ мучительныхъ трудахъ директора, по согласію съ издателемъ, рѣшился соединить съ званіемъ директора «Библ. для Чт.» званіе ея редактора, котораго по-настоящему онъ несъ всѣ главныя обязанности. Вотъ и все»!

Сенковскій въ этихъ строкахъ отнюдь не преувеличивалъ своей роли. «Библіотеку для Чтенія» онъ смѣло могъ назвать своимъ собственнымъ журналомъ. Какъ редакторъ, онъ былъ положительно неутомимъ: «У меня, говоритъ онъ впослѣдствіи, было не мало хлопотъ по журналу; я былъ и редакторомъ, и сотрудникомъ, и корректоромъ, и подчасъ переводчикомъ». Сенковскій работалъ съ юношескимъ жаромъ, нисколько не заботясь о своемъ здоровьи и даже о будущемъ. Онъ весь отдавался минутѣ, вѣчно сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, зарывшись въ книги и рукописи, и отдыхалъ всего-на-всего одинъ или два дня впродолженіе мѣсяца. Ни одна статья, ни одна самая крошечная замѣтка не миновала его рукъ. Онъ выбиралъ статьи для переводовъ, для чего читалъ до двадцати иностранныхъ журналовъ и газетъ; затѣмъ просматривалъ, измѣнялъ, дополнялъ сдѣланные переводы; вновь пополнялъ ихъ въ корректурахъ и при всемъ томъ находилъ время писать собственныя статьи для всѣхъ отдѣловъ журнала: въ одномъ первомъ году изданія онѣ наполняли болѣе 60-ти печатныхъ листовъ, или около 1000 страницъ. Работа увлекала его, тѣмъ болѣе что эта работа сопровождалась огромнымъ успѣхомъ. И днемъ, и ночью онъ не отрывался отъ письменнаго стола, пока не кончалъ на-бѣло заданнаго себѣ труда, и ложился лишь послѣ совершеннаго утомленія или даже изнеможенія. Наканунѣ выхода книжки проводилъ онъ день и ночь часто въ типографіи, чтобы быть увѣреннымъ въ непремѣнномъ появленіи книжки 1-го числа, и затѣмъ только успокаивался и позволялъ себѣ отдохнуть одинъ или два дня. На третій уже начиналась та же мучительная работа для слѣдующей книжки. Не говоря уже о статьяхъ, назначенныхъ къ извлеченію изъ иностранныхъ журналовъ, и всѣ оригинальныя статьи, не подписанныя извѣстнымъ въ литературѣ именемъ, проходили черезъ редакцію Сенковскаго, т. е. получали форму и изложеніе, усвоенныя имъ для своего журнала. Сенковскій, вообще говоря, съ сотрудниками не церемонился. Въ своемъ журналѣ онъ былъ настоящимъ деспотомъ, который свое «telle est ma volonté» (такова моя воля) ставилъ всегда на первый планъ. Даже повѣсти и разсказы второстепенныхъ писателей подвергались нерѣдко большимъ измѣненіямъ. Не разъ случалось, что Сенковскій даже не дочитывалъ рукописей: повѣсть нравилась ему по сюжету, въ головѣ его рожда-

лась при ея чтеніи счастливая мысль,—онъ отдиралъ конецъ рукописи и приписывалъ свой. Авторы конечно обижались и имѣли, надо сознаться, полное на это основаніе. Объ иностранныхъ сочиненіяхъ нечего конечно и говорить: тѣ всегда представлялись читателю въ измѣненномъ, исправленномъ и дополненномъ Сенковскимъ видѣ; выбравъ романъ или ученое сочиненіе для передачи на русскій языкъ. онъ обыкновенно сокращалъ его во время самаго чтенія, вычеркивалъ растянутыя и ненужныя мѣста, связывалъ статью своими приписками и вставками всегда на томъ-же языкѣ, на которомъ она была написана, и только тогда отдавалъ ее переводчику. «Любопытно было видѣть иныя статьи въ книжкахъ французскихъ и англійскихъ журналовъ всѣ перечеркнутыя, съ массою приписокъ, сдѣланныхъ четкою рукою Сенковскаго на поляхъ и сверхъ того иногда на особыхъ вложенныхъ листочкахъ, такъ что изъ иностранной статьи не оставалась нетронутой ни одна строка. И такихъ статей было множество въ «Библ. для Чт.». Всѣ онѣ печатались безъ подписи и имени, иногда съ обозначеніемъ двухъ или трехъ журналовъ, изъ которыхъ онѣ были составлены; иногда—если это была повѣсть или разсказъ—съ псевдонимною подписью. Эти неблагодарные труды редактора были секретомъ его мастерской, публика о нихъ не знала и не могла ихъ цѣнить, хотя всѣ видѣли единство духа, направленія, формы и изложенія во всѣхъ статьяхъ этого журнала, какъ будто всѣ онѣ были написаны одной рукой—что и недалеко отъ истины.

Словомъ, съ точки зрѣнія трудолюбія и редакторской техники, Сенковскій заслуживаетъ настоящаго панегирика. Но нужна-ли была такая гигантская работа и не вредила ли она въ сущности дѣлу? Правда, много можно говорить и еще болѣе можно спорить о предѣлахъ редакторской власти; но, какъ кажется, фанатизмъ, доведенный въ этомъ случаѣ до крайности, едва-ли особенно полезенъ. Направленіе—дѣло редакціи, это очевидно; но надѣвать на сотрудниковъ кандалы, заставлять ихъ маршировать по опредѣленному шаблону, стремиться къ полному казарменному однообразію—это значитъ хватать черезъ край. Никогда никакое самолюбіе, тѣмъ болѣе самолюбіе литературное, не согласится на такую ферулу и опеку. Настоящій писатель дорожитъ каждой своей буквой и словомъ, и слишкомъ деспотическому редактору всегда въ концѣ-концовъ придется окружать себя второ- и третье-степенностями или даже остаться одинокому, что и случилось съ Сенковскимъ. Что естественнѣе, если авторы истерзанныхъ, сокращенныхъ и совсѣмъ передѣланныхъ статей оскорблялись, нерѣдко протестовали въ газетахъ и

только въ случаѣ крайней необходимости возвращались въ «Библіотеку для Чтенія».

Но съ деспотизмомъ великаго человѣка можно еще примириться, лишь бы этотъ деспотизмъ происходилъ отъ величія, одушевленнаго фанатической даже вѣрой, лишь бы въ немъ не было чего нибудь капризнаго и произвольнаго, чѣмъ по-нашему зачастую грѣшилъ О. И. Сенковскій. Поэтому-то, думается намъ, возможно воспѣвать ему панегирики какъ редактору за трудолюбіе, но очевидно слишкомъ мало одного трудолюбія для такого сложнаго и громаднаго дѣла, какъ изданіе журнала. Мало даже знанія, искуства, умѣнья: нужно нѣчто большее, и это большее—нравственная сила.

Трудъ редактора совсѣмъ не механическій трудъ. Съ громаднымъ запасомъ свѣдѣній, съ чутьемъ къ интересному и разнообразному, можно издавать хорошій альманахъ, прекрасный энциклопедическій словарь, но никакъ не журналъ или газету. Въ глазахъ своихъ сотрудниковъ редакторъ долженъ быть настоящимъ героемъ, и чѣмъ высшей пробы этотъ героизмъ—тѣмъ лучше. Никакихъ силъ одного человѣка, никакого его трудолюбія не хватитъ для ежемѣсячнаго изданія. Только окруживъ себя лучшими литературными силами, только сумѣвъ воспитать ихъ и вдохновить въ нужномъ направленіи,—онъ можетъ разсчитывать на дѣйствительный успѣхъ. Что такое одинъ онъ? Пускай онъ работаетъ 24 часа въ сутки, перечитываетъ всѣ журналы и газеты, самъ переводитъ, самъ корректируетъ — этого недостаточно; при подобныхъ условіяхъ его дѣло умретъ, какъ бы успѣшно ни пошло оно вначалѣ. Редакторскій трудъ гораздо сложнѣе, онъ сводится къ умѣнью одушевлять и вдохновлять. Быть настоящимъ, а не мнимымъ центромъ литературнаго кружка, быть лучшимъ выразителемъ принятаго направленія, первымъ и преданнѣйшимъ слугой поставленнаго знамени, быть объединителемъ въ широкомъ смыслѣ слова—вотъ что, по-нашему, значитъ быть редакторомъ.

Этого-то совсѣмъ не доставало Сенковскому. Почему? Послушаемъ Дружинина.

«Трудно объяснить, говоритъ тотъ, съ достовѣрностью причины того литературнаго одиночества, котораго постоянно держался Сенковскій, и которое по временамъ вводило его въ странныя и безвыходныя положенія; но намъ кажется, что въ одиночествѣ этомъ не было ничего преднамѣреннаго или исходящаго изъ пренебреженія къ другимъ литераторамъ. Мы знали Осипа Ивановича около десяти лѣтъ, и во всѣ эти десять лѣтъ не подсмотрѣли въ его харак-

терѣ никакой неуживчивой особенности, не подслушали въ его разговорахъ о литературѣ чего-нибудь очень враждебнаго новому ея направленію. Нѣкоторые изъ современныхъ писателей, незнакомые ему лично и даже предубѣжденные противъ его литературной дѣятельности (напримѣръ И. С. Тургеневъ), были любимыми авторами покойника, и всякую ихъ хорошую вещь онъ привѣтствовалъ съ полнымъ радушіемъ. Когда ему приходилось сходиться съ какимъ-нибудь литераторомъ, составившимъ себѣ извѣстность за послѣдніе годы, О. И. всегда оказывался и привѣтливымъ, и сообщительнымъ. Но въ его характерѣ, и это мы знаемъ навѣрное, преобладающею особенностью всегда было то, что англичане называютъ shyness, то есть отчасти врожденная, отчасти развитая обстоятельствами трудность къ сближенію съ другими людьми. Искать въ комъ-нибудь, подлаживаться къ другому человѣку онъ не могъ бы ни за что на свѣтѣ; но если обстоятельства сами сводили его съ существомъ достойнымъ пріязни, онъ его держался постоянно, и въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ иногда бывалъ очарователенъ. Мы помнимъ ночныя бесѣды и немноголюдныя собранія, посреди которыхъ покойный Сенковскій любилъ давать волю своему остроумію, а остроуміе это въ изустныхъ бесѣдахъ по временамъ далеко оставляло за собой то замѣчательное остроуміе, какимъ восхищались ревностные поклонники печатнаго барона Брамбеуса. Смѣло можно сказать, что воспоминанія о подобныхъ разговорахъ принадлежатъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ воспоминаній нашей молодости. И сколько разъ приходила намъ въ то время печальная мысль: и этотъ высокообразованный человѣкъ, съ его свѣтлымъ умомъ, съ его яснымъ взглядомъ на вещи, съ его терпимостью и пониманіемъ жизни, человѣкъ, столько сдѣлавшій для русской словесности, гаснетъ посреди полнаго одиночества, имъ же вызваннаго, имъ же подготовленнаго! Память о годахъ, когда онъ все дѣлалъ одинъ и могъ самъ быть своимъ первымъ помощникомъ, вредила Сенковскому очень много. Въ молодости ему было весело не нуждаться ни въ комъ, держать себя въ сторонѣ отъ молодого поколѣнія, на сверстниковъ своихъ глядѣть съ ироніею, отчасти ими заслуженною. Но съ годами пришли недуги и усталость, а зданіе, поддерживаемое столько лѣтъ одною, хотя очень сильною рукою, рухнуло съ трескомъ, чуть эта рука должна была опуститься».

Отчасти въ этомъ одиночествѣ умнаго человѣка виноваты и литературные нравы 30-хъ годовъ.

О нихъ можно сказать такъ: жестокіе, сударь, были нравы. «Ли-

тература — общественное дѣло». «Литература — отраженіе нашей жизни, ея такъ сказать святая святыхъ». «Литература — руководительница нашихъ поступковъ». Все это знаемъ мы съ вами, читатель; но перенеситесь мысленно за 60 лѣтъ тому назадъ, забудьте все то, чему вы научились у Бѣлинскаго и его преемниковъ, и вы увидите, что наши элементарныя истины — которымъ впрочемъ мы и сами не слѣдуемъ, а только признаемъ ихъ — были мало доступны даже людямъ не безъ мысли въ головѣ. Что-же говорить о массѣ. Державинская точка зрѣнія, что поэзія не хуже холоднаго лимонада въ лѣтній зной, была распространена и на литературу вообще. Литература должна развлекать. Такъ признавалось и въ это вѣровалось. Но это бы еще не бѣда. Хорошее развлеченіе—всегда полезно. Гораздо печальнѣе, что до пониманія литературы, какъ общественнаго дѣла и общественной силы,— возвышались развѣ одинъ изъ тысячи читателей и столько писателей, что ихъ можно пересчитать по пальцамъ. Одни писали потому, что имъ пишется, другіе потому, что какъ ни скромна литературная карьера, а все-же карьера. Чего искать въ ней? Успѣха, денегъ, пищи для тщеславія. Восхвалить пріятеля и разнести врага—хотя-бы врага на зеленомъ полѣ—этого не чуждались представители слова. А публика тѣмъ болѣе повсюду и вездѣ искала и видѣла личность.

Въ 1833 г., т. е. наканунѣ своего выступленія на литературное поприще, Сенковскій написалъ прелестный очеркъ «Личности». «Однажды въ шутку—читаемъ мы—закричалъ я на улицѣ: «воръ, воръ!.. ловите». Десять человѣкъ оглянулись. Одинъ изъ нихъ, входя въ питейный домъ, проворчалъ такъ, что я самъ разслышалъ: «Ну, какъ у насъ позволяютъ говорить на улицѣ такія личности!..» Мой пріятель, баронъ Брамбеусъ, шелъ по Невскому проспекту и думалъ о риѳмѣ, которую давно уже искалъ. Первый стихъ его оканчивался словомъ куропатки,—второго никакъ не могъ онъ состряпать. Вдругъ представляется ему риѳма, и онъ, забывшись, произноситъ ее вслухъ: «куропатки?.. беретъ взятки»! Шесть человѣкъ, порядочно одѣтыхъ, вдругъ окружили его, каждый спрашиваетъ съ грознымъ видомъ: «милостивый государь! о комъ изволите вы говорить? Это непозволительная личность». Въ одной статьѣ сказано было: «есть люди, которые никогда не платятъ долговъ». Я прочиталъ эту статью поутру и глубоко вздохнулъ. Ввечеру прихожу въ одно общество; тамъ читаютъ эту-же статью, и первое слово, которое слышу въ залѣ: «Боже мой! за чѣмъ смотрятъ у насъ цензора? Какъ можно пропускать такія личности?» Напиши или

скажи какую нибудь истину: изъ нея тотчасъ выведутъ тебѣ двѣ сотни личностей. Это обыкновенный порядокъ вещей на свѣтѣ, но порядокъ весьма глупый... Да, это сущая бѣда! Нельзя даже упомянуть ни о какой человѣческой слабости, ни о какомъ злоупотребленіи въ свѣтѣ, чтобы кто нибудь къ вамъ не придрался. Всякая глупость имѣетъ своихъ ревностныхъ покровителей. Прошу покорнѣйше ни говорить ни слова объ этой странности: она состоитъ подъ моею защитой.—Какъ вы смѣете, сударь, насмѣхаться надъ этимъ порокомъ?.. Я имъ горжусь: это моя неприкосновенная собственность... Недѣли двѣ тому назадъ написалъ я статью о дуракахъ. Двѣ тысячи-пятьсотъ-восемьдесятъ-семь человѣкъ подписали на меня формальную просьбу на предлинномъ листѣ бумаги, нарочно заказанномъ ими на петергофской фабрикѣ, и подали ее по командѣ. Я не видѣлъ этого прошенія, но, говорятъ, оно 7 саженями, аршиномъ и 10 вершками длиннѣе того, которое герцогъ Веллингтонъ поднесъ англійскому королю отъ имени всей партіи тори противъ билля о преобразованіи парламента. Начальство, разсмотрѣвъ мою статью, не нашло въ ней ничего предосудительнаго и отказало имъ въ предметѣ жалобы. Огорченные неудачей, всѣ они привалили ко мнѣ требовать личнаго для себя удовлетворенія. Улица была наполнена ими съ одного конца до другого; на моей лѣстницѣ народъ толпился точно такъ-же, какъ на лѣстницѣ, ведущей въ аукціонъ конфискованныхъ товаровъ. Всѣ они въ одинъ голосъ вызывали меня на дуэль и т. д.»...

Такова была публика. А гг. литераторы? Хуже или лучше? Припомнимъ, какъ травили они «Московскій Тел.» Полевого, потомъ «Отечеств. Записки», травили, не давая отдыха и сроку, травили упорно, съ ненавистью, съ ожесточеніемъ. Не о полемикѣ уже надо говорить, а просто о ругани, въ случаѣ недостаточности которой прибѣгали къ доносамъ. Какія времена, такіе и нравы. Само собою разумѣется, что направленіе тутъ было ни при чемъ. Травили не «представителя идеи», а литературнаго конкурента, личнаго недруга. Все равно какъ ссорились и мирились въ жизни, — такъ ссорились и мирились въ литературѣ.

«Личность»—вотъ что губило ее.

Припомнимъ одинъ характерный эпизодъ. Въ 1841 году была дана на сценѣ великолѣпная опера Глинки «Русланъ и Людмила». Булгаринъ и компанія сговорились провалить это геніальное произведеніе во что-бы то ни стало. Никому не интересно—какими мотивами они руководствовались, но очевидно эти мотивы были очень не-

высокой пробы. Сговорились и сдѣлали. Съ свойственной ему развязностью, Булгаринъ заявилъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ», что новое ироизведеніе Глинки ниже всякой критики. Дикій отзывъ, но этотъ отзывъ могъ имѣть послѣдствія, такъ какъ Булгарина слушали. Узнавъ о его выходкѣ, Сенковскій рѣшился заступиться за великаго человѣка и его дѣло, что и исполнилъ съ большимъ воодушевленіемъ. «Мы имѣемъ въ Глинкѣ одинъ изъ огромнѣйшихъ талантовъ, которые только существовали въ музыкѣ и владѣли орудіями звука»—писалъ онъ. «Четвертый актъ, — читаемъ мы дальше — колоссальное созданіе, которое навсегда останется въ музыкѣ памятникомъ того, что можетъ сдѣлать великій талантъ со звуками, гаммами и инструментами и какъ все тутъ повинуется могучей волѣ».

Эпизодъ любопытный, но по тому времени настолько обыденный, что на него никто не обратилъ даже вниманія. Это было въ порядкѣ вещей. И для полноты характеристики этого порядка, позволю себѣ привести слѣдующее письмо Сенковскаго къ Ахматовой: «Вы, пишетъ онъ, такъ милы, что хотите даже ненавидѣть Булгарина. Благодарю васъ за этотъ плѣнительный порывъ дружбы вашей, но Булгаринъ не стоитъ ни любви, ни ненависти. Это человѣкъ безъ характера, безъ всякаго правила въ поведеніи, несчастная игрушка своихъ собственныхъ страстей, которыя попеременно дѣлаютъ его то ужаснымъ, то смѣшнымъ, то довольно порядочнымъ. Въ одно и то-же мгновеніе онъ въ состояніи сдѣлать и величайшую низость, и прекрасный подвигъ благородства, самъ вовсе не зная этого.

«Я давно принялъ съ нимъ и его братьей роль хладнокровнаго наблюдателя, котораго уже не обижаютъ ихъ мерзости, но который всегда готовъ отдать справедливость ихъ хорошимъ сторонамъ. Эта роль бѣситъ ихъ. Они называютъ меня гордецомъ, прославили человѣкомъ неприступнымъ, надменнымъ, возмутили противъ меня цѣлую тучу завистливыхъ посредственностей, которая терзала и еще терзаетъ меня своей глупою злобою и всѣми гнусностями клеветы. Но моя неколебимость въ предначертанной себѣ роли побѣждаетъ всѣ эти мутныя волненія мелочныхъ и грязныхъ страстей: когда я захочу, они все-таки сдѣлаютъ по-моему и тотчасъ смиряются, чтобы помириться со мною. Я обыкновенно довольствуюсь тѣмъ, что, удостовѣрившись во власти своей надъ ними, снова дѣлаюсь для нихъ неприступнымъ и держу ихъ въ отдаленіи отъ себя. Тогда они снова начинаютъ бранить меня; а я этого и хочу. Мнѣ это очень нужно. Я не могу смѣшиваться съ ними и не желаю, чтобы смѣшивали меня съ такими людьми въ публикѣ. Оттого вы видите, что всѣ

наши журналы попеременно то поносятъ меня, то восхищаются мною. Когда я ласковъ съ которымъ нибудь изъ нихъ, тотчасъ является въ немъ великолѣпная похвала моему уму, моимъ познаніямъ и прочая. Но для меня не выгодно, чтобы эти люди долго хвалили меня: порядочная часть публики тотчасъ подумала бы, что я уже веду съ ними дружбу и компанію. Давъ имъ время явиться моими льстецами, я вдругъ оборачиваюсь къ нимъ спиною—и они въ бѣшенствѣ снова начинаютъ терзать меня до новой вѣжливости съ моей стороны. Это—моя забава и моя тактика. Независимость моего положенія даетъ мнѣ всѣ средства играть съ ними эту немножко жестокую комедію, но они не стоятъ ничего лучшаго: они вполнѣ заслуживаютъ ее.

«Для нея я даже жертвую очень многимъ, между прочимъ и моимъ состояніемъ. Но иначе нельзя! Они думаютъ, всѣ думаютъ, что я очень богатъ. Я одинъ знаю, что это неправда: но пусть ихъ думаютъ!.. Это располагаетъ ихъ къ готовности продать себя мнѣ при первомъ изъявленіи съ моей стороны охоты купить ихъ, и такимъ образомъ я всегда въ состояніи показать свѣту всю мѣру ихъ низости, всю причину ихъ злобы и ихъ раболѣпства. Когда мнѣ нужно сорвать маску ожесточенія съ котораго-нибудь изъ этихъ людей, я умѣю очень искусно бросить ему поживу, пять, десять тысячъ рублей,—и онъ у ногъ моихъ, пока я самъ не оттолкну его. О! они дорого мнѣ стоятъ! Но надо выдержать свою роль».

* * *

Пора намъ однако, послѣ всѣхъ этихъ приготовительныхъ разъясненій, обратиться къ главнѣйшему и дать характеристику «Библіотеки для Чтенія». Передъ нами болѣе ста томовъ журнала, изъ которыхъ каждый—плоть отъ плоти и кость отъ костей самого Сенковскаго. Признаемся, мы не безъ уваженія просматривали ихъ. Мирно и спокойно стоятъ они теперь въ библіотекѣ, плотно прижатые другъ къ другу, всѣ въ переплетахъ, съ пожелтѣвшими, запятнанными страницами. Изрѣдка тревожитъ ихъ рука спеціалиста или такого случайнаго работника, какъ я, большую-же часть времени никто ни на минуту не чувствуетъ въ нихъ ни малѣйшей надобности. Груды книгъ выростаютъ возлѣ нихъ, надъ ними, внизу, и эти небольшіе томы, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе затериваются среди новыхъ пришельцевъ. Ихъ дѣло сдѣлано, покончены всѣ разсчеты, итогъ подведенъ и, молчаливые свидѣтели

прошлаго, они не имѣютъ достаточно внутренней силы, чтобы хоть чѣмъ нибудь заявить о себѣ новымъ поколѣніямъ. А вѣдь было время, когда выходъ каждой изъ этой сотни книжекъ ожидался съ нетерпѣніемъ, когда торопливыя руки нервно разрѣзали страницы и добродушный читатель, съ невольной улыбкой, выражавшей предчувствіе удовольствія, набрасывался на «Литературную лѣтопись» или критическія статьи, ожидая веселой шутки, бойкой остроты. Но все это прошло. Какъ замирающее эхо доносятся до насъ восторги читателей барона Брамбеуса, тотъ говоръ и шумъ, который возбуждала «Библіотека»; спокойные и забытые стоятъ ея томы. Habent sua fata libelli — родятся и умираютъ и одна изъ сотни тысячъ достигаетъ безсмертія...

«Библіотека для Чтенія» — журналъ Сенковскаго. Это, повторяемъ, плоть отъ плоти его; онъ самъ фигурируетъ передъ нами на каждой страницѣ, и, зная его, мы уже предчувствуемъ, чѣмъ должны быть и онѣ. Мы видѣли, что у Сенковскаго было много данныхъ, чтобы быть хорошимъ редакторомъ, такимъ-же вышелъ и его журналъ.

У редактора-энциклопедиста журналъ не могъ не быть энциклопедическимъ: отдѣлы наукъ, иностранной словесности и смѣси — были тѣ отдѣлы, въ которые Сенковскій вложилъ всю свою душу. Онъ былъ нѣсколько англоманомъ, особенно въ литературѣ. Новой французской школы онъ не долюбливалъ и даже энергично преслѣдовалъ ее, доходя подчасъ до страннаго и неприличнаго даже вышучиванія такихъ крупныхъ величинъ, какъ Жоржъ Зандъ. Эту послѣднюю онъ именовалъ не иначе, какъ г-жею Егоръ Зандъ. Ему больше нравилась англійская литература, съ ея спокойнымъ анализомъ человѣческаго сердца, и почти всѣ лучшія ея произведенія появлялись въ «Библіотекѣ». Постоянно встрѣчаемъ мы переводы изъ Кольриджа, Вордсворта, Диккенса, Теккерея, Скотта, Брума, Соммервиль и т. д. Не мало и статей посвящено этимъ талантливымъ писателямъ, такъ что въ общемъ читатели «Библіотеки» могли быть благодарны ея редактору. Въ «Смѣси» печатались каждый мѣсяцъ краткія обозрѣнія новостей англійской и французской литературъ, съ библіографическими списками появившихся на рынкѣ книгъ. Въ отдѣлѣ наукъ—особенно интересномъ и разнообразномъ, Сенковскій знакомилъ публику со всѣми открытіями и новинками въ области положительныхъ знаній. Вотъ нелишенный интереса списокъ главнѣйшихъ научныхъ статей въ первыхъ 25-ти томахъ «Библіотеки»:

1. О мірѣ и его создателѣ (доводы положительныхъ наукъ въ пользу бытія Божія).
2. Земной шаръ до потопа (по Кювье).
3. Магнетизмъ земного шара.
4. Теплота земного шара.
5. Двойныя звѣзды.
6. Галлеева комета.
7. Начало рѣкъ и ключей.
8. Причина измѣненія земной поверхности.
9. Г-жа Соммервиль и ея сочиненія.
10. Зодчество насѣкомыхъ.
11. Чувства и способности рыбъ.
12. Статистика средняго человѣка (по Кетле).
13. Призраки и видѣнія.
14. Германская философія.
15. Философія Кузена.
16. Финансы Англіи.
17. Свободная торговля хлѣбомъ.
18. Желѣзныя дороги.
19. Чахотка и ея леченіе.
20. Новая сравнительная наука древностей.
21. Гиббонъ и Боркъ.
22. Записки Мирабо.
23. Архитектура, ваяніе и живопись Германіи.
24. Новыя путешествія въ Среднюю Азію.
25. Скандинавскія саги и пр.

Мы перечислили главнѣйшія статьи. Легко было-бы удесятерить приведенный списокъ, но можно обойтись и безъ этого: и такъ ясно, чего хотѣлъ Сенковскій. Если онъ и не вѣровалъ въ науку, то во всякомъ случаѣ признавалъ ее. Онъ стремился къ популяризаціи знанія и, благодаря настойчивости, добился того, что статьи его журнала стали такими ясными и общедоступными, что сами укладывались въ головѣ читателя. Для насъ конечно ничего въ этомъ ни новаго, ни особеннаго нѣтъ; стоитъ намъ раскрыть любую книгу журнала, чтобы напасть на популяризацію біологическихъ, астрономическихъ, соціологическихъ истинъ;—но вѣдь съ кого же нибудь началось это дѣло? Началось-же оно главнымъ образомъ съ «Библіотеки». Еще разъ просмотрѣвъ приведенный списокъ, читатель замѣчаетъ въ немъ какъ бы особенное пристрастіе къ естествознанію. Но на это были особенныя причины, съ одной стороны—личныя симпатіи Сенковскаго, съ другой—условія журнальнаго дѣла. Вѣдь была-же у насъ на Руси такая эпоха, когда журналы наполнялись длиннѣйшими трактатами по вопросамъ химіи и агрономіи и волей-неволей должны были забыть о существованіи общества, исторіи и общественныхъ наукъ.

Популяризація знанія — прекрасное дѣло и отмѣтимъ ее какъ плюсъ въ счетѣ «Библіотеки для Чтенія». Но особенно лестно для

Сенковскаго, что эта популяризація являлась не случайнымъ дѣломъ, а проистекала изъ идеи, принципа. Часто повторялъ онъ свою любимую мысль: «мы еще ученики передъ Европой и намъ надо учиться и учиться». «На этихъ словахъ, говоритъ Дружининъ, зиждется главное значеніе его журнала, значеніе популярнѣйшаго и превосходнѣйшаго иностраннаго обозрѣнія, какое когда либо имѣла русская публика. Уже одна программа «Библіотеки», программа, вся созданная Сенковскимъ, въ совершенствѣ показывала, до какой степени редакторъ новаго изданія разумѣлъ потребности русскаго читателя. Сенковскій былъ основателемъ того энциклопедическаго направленія, котораго до сихъ поръ неуклонно держатся всѣ наши лучшіе журналы и котораго они будутъ держаться до той поры, пока уровень нашего общаго образованія не сравняется съ иностраннымъ».

Превосходнѣйшее иностранное обозрѣніе оказывалось однако очень слабымъ и даже рѣшительно никуда негоднымъ, разъ дѣло касалось русской литературы. Мы видѣли, какую роль играла всегда въ нашихъ журналахъ литературная критика. Эта роль выработалась исторически. Такъ какъ наша общественная жизнь выражалась прежде всего въ литературѣ, то понятно, почему критика заняла мѣсто руководителя нашей общественной жизни.

Въ отдѣлахъ «Критики» и «Литературной лѣтописи» въ первые годы изданія «Библіотеки» почти всѣ статьи написаны Сенковскимъ, хотя не всѣ онѣ статьи критическія: многія представляютъ лишь обозрѣніе содержанія книги, съ выписками изъ нея для образца и съ немногими, иногда серьезными, но большею частью шутливыми, юмористическими замѣчаніями. «Литературная лѣтопись» посвящена была почти исключительно подобнымъ замѣткамъ; отдѣлъ «Критики» всегда былъ серьезнѣе. Въ первые годы существованія журнала рецензіи лѣтописи писались вообще спокойнымъ тономъ, хотя не безъ саркастическихъ выходокъ и отступленій. Онѣ-то всего болѣе и нравились публикѣ, ими-то всего болѣе и восхищались.

Тутъ Сенковскій сдѣлалъ великую ошибку: онъ послушался публики. Та повидимому рѣшительно не имѣла ничего противъ гаэрства и балагана, даже требовала того и другого и «вскорѣ почти вся литературная лѣтопись превратилась въ непрерывную шутку: стали разсматриваться преимущественно такія сочиненія, которыя представляютъ наиболѣе смѣшныхъ сторонъ; наконецъ шутка дошла даже до буффа и лѣтописецъ заставляетъ новыя книги плясать передъ собою, играть комедію—водевиль и предста-

влять сцены изъ «Тысячи и одной ночи»... Литературная лѣтопись была какъ-бы отдыхомъ и гимнастикою для ума, требовавшаго перемѣны занятій, и въ то же время жертвою вкусу публики».

Противъ гимнастики остроумія и жертвы вкусу публики — можно конечно возразить очень много.

Хорошую оцѣнку критическихъ дарованій Сенковскаго далъ Дружининъ. Мы приводимъ ее какъ лучшее, что было сказано по этому поводу:

«Осипъ Ивановичъ никогда не обманывался насчетъ значенія своего журнала и своей критики: требованія публики, неслыханный успѣхъ его краткихъ и блистательныхъ рецензій заставляли его заниматься «Литературною лѣтописью» съ особеннымъ тщаніемъ; но въ годы сильнѣйшаго ея успѣха остроумный рецензентъ не обманывалъ себя по части ея значенія. Сенковскій зналъ лучше всѣхъ своихъ противниковъ, что судьба не создала его критикомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, зналъ и то, что лучшія страницы его «Литературной лѣтописи» не содержатъ въ себѣ ничего особенно плодотворнаго для современной ему русской словесности. Онъ не преувеличивалъ своей роли какъ цѣнителя изящныхъ произведеній. Онъ не силился возвести въ какую-нибудь теорію свое гоненіе на плохихъ поэтовъ, свой походъ противъ сихъ и оныхъ, свои мѣткія шутки противъ сѣробумажныхъ изданій и раздирательной литературы. Читатель требовалъ остротъ и шутокъ, читатель встрѣчалъ каждую рецензію Сенковскаго выраженіемъ восторженнаго одобренія—и Сенковскій былъ не прочь шутить съ читателемъ, иногда даже шутить надъ читателемъ».

Есть одна неумная поговорка, которая утверждаетъ: la critique est aisée, l'art est difficile, т. е. искуство трудно, но критика—дѣло легкое. А искуство критики? На самомъ дѣлѣ, развѣ критикъ не долженъ обладать спеціальными дарованіями, которыя, все равно какъ художественный талантъ, встрѣчаются очень рѣдко, по скупости нашей матери природы? Если научная критика требуетъ большихъ знаній и при этомъ яснаго, остраго ума, то критика литературная безъ чутья, безъ особеннаго дара проникновенія никакъ обойтись не можетъ. Наука о прекрасномъ можетъ только облегчить дѣло критики, но создать и она не можетъ. Все равно какъ виртуозу недостаточно одной техники, такъ недостаточно знаній и критику. Ему нуженъ вкусъ, который дается отъ природы и только развивается, а отнюдь не пріобрѣтается образованіемъ. [illegible]ты—родятся, родятся и критики.

Этого-то вкуса, чутья, проникновенія и не доставало прежде всего Сенковскому. Оттого-то цѣлые томы его критическихъ статей ровно ничего не значатъ передъ одной статьей Бѣлинскаго. Не говоримъ уже о его «Литературной лѣтописи» тамъ:

...Нападки
На шрифтъ, виньетки, опечатки,
Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.

Тамъ—разгулъ остроумія, ничѣмъ не сдержаннаго, тамъ фокусы, вродѣ того напр., что Сенковскій, выписавъ цѣлую дюжину заглавій различныхъ книгъ и книженокъ, пишетъ: «Петрушка, мой лакей; возьми все это себѣ; это для тебя».—Тамъ наконецъ гаэрство. Но и отъ серьезныхъ критическихъ статей Сенковскаго приходится отступать съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Что это значитъ, когда Кукольникъ ставится выше Гоголя? Какимъ это образомъ можетъ быть равнымъ Гете тотъ-же Кукольникъ? Кукольника мы немного знаемъ и можемъ въ такомъ случаѣ только развести руками. Любопытно хоть нѣсколько ознакомиться съ критическими взглядами Сенковскаго: въ будущей исторіи русской критики они навѣрное найдутъ себѣ хотя-бы скромное мѣсто. Въ первой-же критической статьѣ Сенковскаго мы встрѣчаемъ слѣдующія строки:

«Для меня нѣтъ образцовъ въ словесности», восклицалъ онъ: «все образецъ, что превосходно. Въ нынѣшнемъ состояніи литературныхъ ученій, когда страшный умственный переворотъ превратилъ въ кинжалъ даже тотъ аршинъ, которымъ люди такъ удобно мѣряли изящныя красоты, подобно атласнымъ лентамъ, я не вижу возможности другого критическаго мѣрила. Безпристрастною критикою называю я то, когда по чистой совѣсти говорю тѣмъ, которые хотятъ меня слушать, какое впечатлѣніе лично надо мною произвела данная книга. Но степень моего впечатлѣнія не есть правило для другихъ. Критика въ наше время сдѣлалась картиною личныхъ ощущеній всякаго, — всякаго, одареннаго отъ природы яснымъ чувствомъ средствъ и способовъ, которыми изящное можетъ производить полное и пріятное дѣйствіе надъ сердцемъ и воображеніемъ человѣка. О правилахъ нѣтъ и рѣчи. Одно только условіе въ этомъ чувствѣ средствъ и способовъ—нравственность.

«Вкусъ—это прихоть беременной женщины, которая есть общество. Слѣдственно, по прочтеніи критики, и спорить не объ чемъ: одно средство—изъявить, независимо отъ обнаруженнаго уже мнѣнія, другое, различное мнѣніе, съ такимъ-же чистосердечіемъ, но

безъ опроверженій, ибо опровергать чужія ощущенія ровно столько же смѣшно, сколько неудобоисполнимо. Въ ученой критикѣ—другое дѣло. Тамъ можно доказывать, основываясь на несомнѣнныхъ данныхъ; но въ литературной, какъ скоро я вѣрно и совѣстливо обнаружилъ передъ вами, безъ малѣйшей утайки, все количество пристрастія, какое прочитанная книга внушила мнѣ въ свою пользу, влѣзайте на башню и кричите міромъ:—Ахъ, какой безпристрастный критикъ!.. Я сниму шляпу и поклонюсь».

Самъ Сенковскій понималъ, что въ дѣлѣ критики прежде всего необходимъ вкусъ, однако его-то ему и не доставало. Общественныхъ-же вопросовъ онъ совершенно не затрогивалъ.

«Библіотека для Чтенія» производила фуроръ. Можно бы было привести по этому поводу не мало свидѣтельствъ современниковъ, изъ которыхъ очевидно, что этимъ журналомъ интересовались и зачитывались. Странный успѣхъ! быть можетъ воскликнетъ читатель. Однако смѣемъ думать, что этотъ успѣхъ вполнѣ заслуженный, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

«Библіотека для Чтенія», говоритъ біографъ Сенковскаго, съ первой-же книжки стала во главѣ русской журналистики и планъ ея какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ потребностямъ русской публики, еще недостаточно приготовленной для спеціальныхъ журналовъ и серьезныхъ сочиненій, но жаждавшей чтенія, новостей и легко пріобрѣтаемыхъ знаній. Публика требовала чего-нибудь полегче, поинтереснѣе, позанятнѣе, публика терпѣть не могла думать и задумываться. У ней была жажда познанія въ элементарной формѣ—любопытства, и даже отъ статей по химіи она требовала, чтобы тѣ были повеселѣе. Химія—химіей, и читатель ровно ничего не имѣлъ противъ нея, но его пугали и формулы, и строго научное изложеніе. Редактору предстояла великая, трудная и едва-ли особенно благодарная работа заставить читателя думать, не показывая однако вида, что преслѣдуется столь великая цѣль, заставить читателя пріобрѣтать знанія, развлекая его анекдотами и шутками. «Цѣлью журнала, продолжаетъ тотъ-же біографъ—было знакомить читателя нечувствительно для него самого—посредствомъ перехода отъ легкаго чтенія повѣстей, стиховъ, романовъ къ предметамъ болѣе важнымъ—съ движеніемъ литературъ и наукъ въ Европѣ. Средствомъ къ тому избраны занимательность и общедоступность. Всѣ важныя открытія и новости въ области наукъ и словесности излагались и обсуживались въ «Библіотекѣ для Чтенія» такъ, что даже неподготовленный читатель съ удовольствіемъ пробѣгалъ ученую

статью и незамѣтно для себя пріучался къ работѣ мысли. Надо приготовить способныхъ читателей, выражался Сенковскій и подтверждалъ свою мысль такимъ соображеніемъ: «гдѣ училища не успѣли еще приготовить большой массы образованныхъ читателей, — тамъ можетъ дѣйствовать на умноженіе ихъ журналъ, вліяніе котораго медленно, но несомнѣнно». Въ это время (1833—1840) Сенковскій находился на вершинѣ своей славы. Остроумный баронъ Брамбеусъ смѣшилъ Петербургъ, смѣшилъ провинцію. За это его хвалили, ему льстили, ему платили громадныя деньги. Онъ занималъ великолѣпный домъ, имѣлъ много лакеевъ, чудныхъ лошадей, задавалъ лукулловскіе обѣды. Обѣды эти еще долго оставались въ памяти. Тщеславный и надменный Сенковскій бросалъ деньги направо и налѣво, собиралъ вокругъ себя толпу литературныхъ хамовъ и безъ церемоніи расправлялся съ ними, когда они ему надоѣдали. Быть можетъ даже, въ гордости своей онъ полагалъ, что его слава вѣчна, но жизнь рѣшила иначе.

IV.

Характеристика 30-хъ годовъ. — Новые запросы русской интеллигентной мысли.—Нѣмецкій идеализмъ на русской почвѣ.—«Отечественныя Записки».— Паденіе журнала Сенковскаго.

Болѣе 7-ми лѣтъ подрядъ «Библіотека для Чтенія» пользовалась громаднымъ успѣхомъ. Несомнѣнно, что она была первымъ, самымъ распространеннымъ и наиболѣе читаемымъ журналомъ въ Россіи. Особенныя симпатіи пріобрѣла она среди своихъ провинціальныхъ подписчиковъ, имѣвшихъ полное основаніе ликовать, что аккуратно, въ началѣ каждаго мѣсяца, въ ихъ рукахъ оказывается толстый, прилично изданный томъ, наполненный разнообразными и прекрасно написанными статьями. Добродушный провинціальный обыватель направленія не искалъ. Да къ тому же въ массѣ русскаго общества и не было никакого направленія, развѣ одно только: «у насъ, слава Богу, все благополучно». Направленіе таилось въ отдѣльныхъ, не связанныхъ ничѣмъ другъ съ другомъ, кружкахъ и даже въ отдѣльныхъ личностяхъ. Когда эти кружки и личности выяснили свои стремленія, когда опредѣлились ихъ неясныя думы,—то несомнѣнно съ ихъ-то стороны успѣхъ «Библіотеки» и вызвалъ первый отпоръ. Съ этого-то момента и можно считать начало паденія какъ громкой славы Сенковскаго, такъ и громадной популярности его журнала.

Интеллигентныхъ требованій и интеллигентныхъ запросовъ, тѣмъ болѣе тѣхъ требованій и тѣхъ запросовъ, которые назрѣвали

въ русскомъ обществѣ въ бурную эпоху тридцатыхъ годовъ,—«Библіотека» удовлетворить не могла. Съ 30-ми годами она еще справлялась кое-какъ, но когда наступили 40-ые года, ей пришлось очистить мѣсто для тѣхъ, кто понялъ, чего искала и чего хотѣла лучшая часть интеллигентнаго общества. Все это будетъ для насъ совершенно яснымъ, разъ мы припомнимъ, чѣмъ такимъ были 30-ые года.

Удивительная эпоха, полная противорѣчій, исканій, метанія изъ стороны въ сторону, полная тихой, настойчивой работы, дерзкихъ взрывовъ лермонтовской поэзіи, криковъ глубокаго отчаянія, страстныхъ попытокъ найти какое нибудь успокоеніе. На неопредѣленномъ и неясномъ фонѣ этихъ картинъ передъ нами вырисовываются такія титаническія личности какъ Лермонтовъ и Полежаевъ, такіе вдумчивыя, богатыя натуры какъ И. Кирѣевскій, такіе герои вѣры и упованія какъ Бѣлинскій, но ничего общаго, единаго, опредѣленнаго,—вся картина представляетъ изъ себя удивительную путаницу. Старое поколѣніе, разочарованное и усталое, сходитъ со сцены. Старики видятъ, что молодежь какъ-то скептически и даже пренебрежительно начинаетъ относиться къ нимъ; они очевидно не удовлетворяютъ ея, но не знаютъ, что-же собственно надо ей? Она и сама не знаетъ этого хорошенько и только безпокойно мечется, какъ бы въ предчувствіи чего-то великаго, что надо знать, понять, совершать, что мерещится ей въ туманномъ будущемъ.

«Первое, говоритъ Котляревскій (см. его «М. Ю. Лермонтовъ»), что мы должны отмѣтить, говоря о 30-хъ годахъ русской жизни, это разнообразіе и противорѣчивость во вкусахъ и взглядахъ общества. Никогда быть можетъ въ русскомъ обществѣ не было такой черезполосицы мнѣній, такого сплетенія самыхъ разнообразныхъ убѣжденій и стремленій. Сравнивая 30-ые годы съ 20-ми и затѣмъ съ 40-ми, мы замѣчаемъ, что они въ полномъ смыслѣ слова — эпоха переходная, не имѣющая какого-либо господствующаго «направленія» въ своихъ мысляхъ и поступкахъ. Двадцатые годы, равно какъ и сороковые, имѣли извѣстную, опредѣленную литературную и общественную программу, извѣстный запасъ установившихся взглядовъ на вопросы высшаго порядка. Сентиментально-оптимистическое міровоззрѣніе 20-хъ годовъ и философское общественно-гуманное 40-хъ годовъ были настоящими «теченіями» мысли, охватившими въ названные годы широкіе круги общества. Въ 30-хъ годахъ мы съ такими теченіями не встрѣчаемся. Передъ нами отдѣльные, очень замкнутые кружки, иногда отдѣльныя личности, каждый съ своими собственными взглядами и вкусами, въ большинствѣ случаевъ неустановившимися. Все пока-

зываетъ намъ, что какъ мысли, такъ и чувства общества находятся пока еще въ броженіи, что старые идеалы, какими жило общество, перестали соотвѣтствовать его новымъ потребностямъ, а эти новыя потребности еще недостаточно ясны, чтобы воспитать въ обществѣ новые опредѣленные идеалы. Все общество настроено «романически», т. е. не удовлетворено настоящимъ и не имѣетъ пока еще ясныхъ видовъ на будущее. Стремленіе выбраться изъ этого тревожнаго и малоотраднаго настроенія сказывается очень ясно во всѣхъ поредовыхъ людяхъ. Старики, чувствуя неприложимость своего прежняго міровоззрѣнія къ новому времени, либо съ старческимъ упорствомъ отстаиваютъ свои старые взгляды и вкусы, какъ поступаютъ напримѣръ классики и сентименталисты, либо совсѣмъ перестаютъ думать о настоящемъ, готовясь къ достойной жизни въ будущемъ, какъ напримѣръ Жуковскій; люди помоложе пытаются найти новую формулу житейской философіи, которая осмыслила бы ихъ существованіе и указала имъ новую дорогу; но они либо впадаютъ въ противорѣчіе, какъ Пушкинъ, либо въ корнѣ подрываютъ свою собственную творческую силу, какъ Гоголь, либо наконецъ отдаются пассивной грусти, какъ Языковъ и Баратынскій.

«Есть и такіе, которые, какъ напримѣръ Чаадаевъ, со злобнымъ скептицизмомъ смотря на настоящее, мечтаютъ все-таки о великомъ духовномъ призваніи своей родины въ далекомъ будущемъ, молчатъ и ничего не дѣлаютъ. Другіе, какъ Иванъ Кирѣевскій, молчатъ въ силу того тяжелаго душевнаго кризиса, той ломки во вкусахъ и убѣжденіяхъ, какая въ нихъ происходитъ. Сильнѣе всѣхъ суетится молодежь, не имѣющая никакихъ предразсудковъ, но зато не имѣющая и установившихся убѣжденій. Эта молодежь жадно набрасывается на всѣ мысли, въ которыхъ подмѣчаетъ для себя что-либо новое, присматривается къ событіямъ и прислушивается къ рѣчамъ на Западѣ, пытается усвоить себѣ эти мысли, но въ большинствѣ случаевъ ловитъ ихъ на-лету и не имѣетъ ни достаточной подготовки, ни времени овладѣть ими во всей ихъ широтѣ и самостоятельно развить ихъ дальше».

Встревоженная и взбудораженная мысль съ особеннымъ вниманіемъ и даже съ нетерпѣніемъ слѣдитъ за тѣмъ, что́ дѣлается на Западѣ. Оттуда не разъ приходили спасительныя формулы, оттуда-же явились онѣ и въ описываемую эпоху. Уже начиная съ эпохи преобразованій, русскіе люди всегда были чутки къ тому, что́ дѣлается у ихъ сосѣдей; но никогда эта чуткость не достигала такой напряженности, какъ въ 30-ые и 40-ые годы нашего столѣтія. Къ со-

жалѣнію и Западъ не представлялъ изъ себя въ это время ничег единаго, напротивъ того,—онъ самъ бродилъ и бурлилъ, не хуж чѣмъ это дѣлалось въ Россіи, самъ искалъ примирительныхъ точек зрѣнія и какого нибудь выхода изъ противорѣчій жизни. Крупнѣй шими теченіями западной мысли за это время можно признать дві 1) идеалистическое, господствовавшее въ Германіи, и 2) демократи ческое, надъ разработкой котораго трудилась печать французовъ Остановимся нѣсколько на обоихъ, такъ какъ и то, и другое одинаково могущественно повліяли на русское общество.

Нѣмецкій идеализмъ искалъ внутренняго смысла жизни. Посл ученій Фихте и Шеллинга, какъ бы завершеніемъ грандіозныхъ усилі человѣческаго ума найти общій смыслъ жизни, отыскать таинственну сущность всего, подняться на ту высоту, съ которой одинаково ясны близки и понятны человѣку жизнь морскихъ коралловъ, небесных звѣздъ и его собственная жизнь, — явилась философія Гегеля властвовавшая надъ лучшими умами Европы. Своей полнотой, свое категоричностью система Гегеля затмила всѣ предшествующія. Он сама смотрѣла на себя какъ на вѣнецъ философскихъ усилій и н окончательный итогъ дѣятельности разума. Исходя изъ того-ж пункта какъ и Шеллингъ, т. е. утверждая, что бытіе и мышленіе— тожественны, Гегель по вопросу «кто-же мыслитъ» далъ совер шенно оригинальный отвѣтъ. Мыслятъ сами понятія, безъ всякаг прямого или косвеннаго участія съ нашей стороны. Все—есть поня тіе, самый міръ—это совокупность, внутреннее единство всѣхъ по нятій, ихъ Einheit, т. е. Абсолютъ. Мышленіе понятій есть их діалектическое самодвиженіе. Допустимъ напр., что над было-бы объяснить какой нибудь земной или историческій перево ротъ. Мы бы обратились къ водѣ и огню, прослѣдили ихъ влія на горныя и иныя породы, изслѣдовали новыя химическія соеди ненія, появившіяся на мѣстѣ старыхъ, опредѣлили отношеніе со вершившагося къ органической жизни, словомъ стояли-бы на точк зрѣнія опыта, къ которому и обращались-бы постоянно, какъ к своему единственному и лучшему руководителю. Не такъ смотрѣл на дѣло Гегель. Всякое измѣненіе, все равно какое, астроном ческое, геологическое или историческое, было для него измѣне ніемъ понятія. Это и естественно, разъ мы припомнимъ ег исходный пунктъ и скажемъ вмѣстѣ съ нимъ: природа (и человѣче ство вкупѣ съ ней) есть единый мыслящій духъ, Абсолют или абсолютный разумъ, который не дѣлаетъ ничего другого как мыслитъ. Мыслитъ невольно, независимо отъ самого себя, своег

желанія, мыслить такъ-же необходимо, какъ необходимо движется по своей орбитѣ небесное тѣло. Его мысль сначала безформенная, неясная, мало опредѣленная, имѣетъ роковую конечную цѣль — познать самого себя. Но эта цѣль достигается не сразу, а путемъ долгаго логическаго процесса, путемъ перехода изъ одного діалектическаго момента въ другой. Такъ какъ природа есть понятіе, то всякое измѣненіе—измѣненіе въ понятіи. Не надо искать воды и огня, не надо слѣдить за ихъ вліяніемъ на различныя породы, надо только узнать, каковъ логическій путь понятія, и въ такомъ случаѣ исторія природы и человѣчества станетъ ясной сама по себѣ. Если можно такъ выразиться, то для насъ, эмпириковъ, понятіе есть явленіе нами-же выработанное, для Гегеля — само по себѣ существующее. Мы изслѣдуемъ предметъ, узнаемъ всѣ его признаки и затѣмъ уже составляемъ понятіе. Но отдѣлите это понятіе отъ самого себя, дайте ему самостоятельную жизнь, станьте на ту точку зрѣнія, что міръ, человѣчество, исторія, вы сами—все это понятіе, развивающееся по неизбѣжному, роковому закону Логики, и вы получите философію Гегеля. И такъ, что-же такое вещь въ себѣ? Разумъ. Что такое измѣненія въ природѣ?—это измѣненія въ діалектической работѣ разума; что такое историческіе перевороты, эпохи?—это стадіи, черезъ которыя проходитъ абсолютная мысль, стремясь къ самопознанію.

Отмѣтимъ теперь особенности этого идеализма.

Во-первыхъ. Онъ презиралъ разсудокъ и опытъ. Иначе и быть не могло. Разсудокъ (Verstand)—что можетъ онъ дать намъ? Разсудку доступна грубая, эмпирическая (опытная) реальность; но доступна ли ему эта тайна, то общее единство жизни, которое составляетъ реальность сверхчувственную? Гдѣ, въ чемъ духовная сущность міра? Довѣрьтесь разсудку и посмотрите, какую пеструю, лишенную внутренней связи картину нарисуетъ онъ вамъ. Въ ней не только можно, но и должно растеряться. Онъ перечислитъ и пожалуй расклассифицируетъ вамъ десятки и сотни тысячъ отдѣльныхъ предметовъ, раздѣлитъ ихъ на классы и виды, подраздѣлитъ на подвиды и классы; но проникнетъ ли онъ далѣе за эту-то видимую и измѣнчивую оболочку вселенной, отыщетъ ли онъ общую идею, сущность, смыслъ жизни?—Никогда. Онъ можетъ доставить много практическихъ удобствъ, но развѣ въ этомъ дѣло? Гдѣ та желѣзная цѣпь мірозданія, въ которой все, самъ человѣкъ, всякій предметъ, являлись бы какъ необходимое звено, плотно скованное съ предыдущимъ и послѣдующимъ? Гдѣ та высота, поднявшись на которую

можно было бы единымъ взглядомъ, исполненнымъ восторга (Гегель) или отвращенія (Шопенгауэръ) окинуть мірозданіе? Не разсудокъ, а разумъ возводитъ насъ на эту высоту.

Во-вторыхъ. Идеалистическая философія возвышала духовную сторону нашей природы. Эта духовность была основнымъ ея догматомъ. Для Фихте весь міръ есть представленіе мыслящаго «я», для Гегеля самый драгоцѣнной формулой была та, что «разумъ управляетъ міромъ и нѣтъ ничего, кромѣ дѣятельности разума». Хорошо. Но какимъ-же путемъ человѣкъ можетъ вступить въ общій ходъ мірозданія, какъ можетъ онъ принять участіе въ таинственномъ процессѣ, совершающемся передъ его глазами? — Только при помощи мысли, при помощи дѣятельности своего собственнаго разума, который есть частичка и лучшее воплощеніе разума абсолютнаго, міровой души, Абсолюта. Съ точки зрѣнія Гегеля это было особенно ясно. Вы хотите быть счастливымъ?— Вступите въ міровой процессъ, но вступите въ него сознательно, черезъ изученіе философіи и созерцайте жизнь Всемірнаго духа, которая отражается и въ васъ. Пусть мысль, что вы частица бытія, воплощеніе единой, вѣчной, разумной идеи наполняетъ ваше сердце гордостью, пусть стройная картина, рисуемая вамъ идеалистической философіей, укажетъ вамъ связь вашего личнаго крохотнаго бытія съ бытіемъ вселенной— и вы поймете наконецъ, что все существуетъ лишь потому, что оно необходимо, что ничего другого и быть не можетъ на его мѣстѣ. Итакъ человѣческій разсудокъ и человѣческая мысль—частица абсолютнаго разума и абсолютной мысли, самъ человѣкъ — атомъ, но прекраснѣйшій атомъ вселенной и своей красотой онъ именно обязанъ своему разуму, своей духовности.

Въ-третьихъ. Идеалистическая философія, возвышая духовность природы человѣка, однако ровно ничего не говорила о немъ какъ личности. Это тоже одно изъ ея любопытнѣйшихъ Stand'Punkt'овъ, т. е. исходныхъ положеній. У Фихте единственно дѣятельная роль въ жизни принадлежитъ мыслящему «*я*», но это «*я*»—не мы, не ваше, не человѣческое даже, это всемірное и абсолютное «*я*». Оно создаетъ міръ, наполняя его своими представленіями, оно одно только и живетъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Для Гегеля—все есть понятіе, одаренное силой мышленія и діалектическаго саморазвитія. Разсматривая его философію въ ея цѣломъ, мы видимъ, что онъ совершенно игнорируетъ личное творческое начало въ жизни. Все нужно, все полезно, все хорошо не потому что оно служитъ человѣческому счастью, а самопознанію разума. Люди—

редство; разумъ пользуется ими для своихъ цѣлей и хитро эксплоатируетъ въ свою пользу ихъ страданія. Передъ этимъ разумомъ въ началѣ его историческаго поприща открывается неизвѣстная таинственная страна,—его собственно «*я*»—которую онъ во что-бы то ни стало долженъ изучить и изслѣдовать. Но самъ онъ въ эту страну не идетъ, а отправляетъ туда людей, цѣлыя племена и народы. Изслѣдовать таинственную область дѣло нелегкое и опасное, это своего рода меотійское болото, гдѣ ничего не стоитъ затеряться среди лѣсовъ, непроходимыхъ топей, трясинъ и т. д. Хитрый разумъ какъ будто знаетъ это и употребляетъ на пользу себѣ человѣческія страсти. Онъ возбуждаетъ честолюбіе, стремленіе къ славѣ, всѣ другія чувства, лишь-бы побудить смертныхъ къ трудному и опасному путешествію. Какое ему дѣло до того, почему идетъ человѣкъ въ эту опасную страну: изъ-за славы или отъ отчаянія? Важно одно — достиженіе цѣли, важно, чтобы какимъ-то ни было путемъ смѣлые піонеры принесли вѣсть, а перенесенныя ими трудности ставятся исключительно на ихъ собственный счетъ. Не бѣда, если многіе погибнутъ даже: — эти жертвы нужны для высшей цѣли. Человѣческій смыслъ и слезы, радость и отчаяніе, муки и счастье — все это (какъ и дѣятельность природы) простыя стадіи мысли Абсолюта. Абсолютъ мыслитъ—и въ этомъ вся жизнь.

И подобной философіей русскіе люди увлекались до самозабвенія. Гегель былъ объявленъ царемъ мысли. Къ нему обращались всѣ мыслящіе и чувствующіе люди за рѣшеніемъ всѣхъ своихъ сомнѣній, какъ къ новому дельфійскому оракулу, и вопрошали его «что есть истина?» Къ книгѣ Гегеля подходили «со страхомъ и вѣрою», какъ выразился Огаревъ, и готовы были стоять передъ нею на колѣняхъ, какъ говорилъ Грановскій. «Есть вопросы, писалъ послѣдній, на которые человѣкъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Ихъ не рѣшаетъ Гегель, но все, что доступно теперь знанію человѣка и самое знаніе—у него чудесно объяснено. Изученіе философіи Шеллинга и Гегеля превратилось въ настоящій культъ. Философскія системы не только передумывались, но и переживались. Ничтожныя книжонки о Гегелѣ исправно «выписывались и зачитывались до дыръ, до пятенъ въ нѣсколько дней». Увлеченіе доходило до смѣшного: «всякое простое чувство выводилось въ категорію», все опредѣлялось «по субстанціямъ», гуляли не для того, чтобы освѣжиться и отдохнуть, а чтобы «отдаться пантеистическому чувству единства съ космосомъ». (См. Мих. Бор...нъ. «Происхожденіе славянофильства»).

Чего-же искали русскіе люди въ системахъ нѣмецкаго идеализма? Двухъ вещей—примиренія и свѣта. То и другое было необходимо. Обиженный жизнью, окружающимъ формализмомъ, жестокостью, человѣкъ искалъ инстинктивно и съ отчаяніемъ какого нибудь примиренія съ дѣйствительностью. Слишкомъ уже рѣзко бросалось ему въ глаза противорѣчіе между чувствомъ и фактомъ жизни, слишкомъ ясно ощущалъ онъ свое жизненное одиночество. Въ философіи Шеллинга онъ сливался съ бытіемъ, такъ какъ и природа есть видимый духъ, а духъ—невидимая природа, философія Гегеля—грандіозная попытка объединить всѣ факты жизни одной общей проникающей идеей—давала ему не какое нибудь повидимому, а совсѣмъ хорошее, совсѣмъ разумное примиреніе съ дѣйствительностью. Въ ней онъ находилъ программу для своей дѣятельности, она указывала ему на великое содержаніе жизни, успокоивала его тревожное личное чувство. Своей строгой научностью и удивительной логикой она подчиняла его мысль, своимъ грандіознымъ розмахомъ — она поражала его воображеніе. Осматриваясь вокругъ, онъ видѣлъ пестрое сплетеніе случайностей, господство насилія и грубаго произвола; его мысль, едва пробудившаяся послѣ вѣкового сна предковъ, настойчиво спрашивала себя «зачѣмъ и почему»?—и вдругъ всѣ эти «зачѣмъ и почему» оказались выясненными какъ нельзя лучше въ глубокомысленныхъ томахъ Гегелевской философіи. Что удивительнаго, если онъ съ жадностью и со страстью набросился на нихъ, становился передъ ними на колѣни и съ дѣтскимъ простодушіемъ полагалъ, что все сказанное Георгомъ-Фридрихомъ-Вильгельмомъ Гегелемъ—есть абсолютная истина? Ему надо было объяснить — что̀ такое онъ самъ, какая связь его съ обществомъ и природой, и такое объясненіе давалось. Его мысль становилась рабомъ строгой и вышколенной мысли Гегеля, его чувство смирялось передъ картиной міозданія, въ которой онъ—одно маленькое звено, его воображеніе не могло не увлечься величественной жизнью Абсолютнаго Разума.

«Такимъ образомъ, продолжаетъ г. Котляревскій, пытливая, тревожная и неудовлетворенная, одна часть молодежи на-время отказывается отъ всякой обыденной и правильной служебной работы и не хочетъ выступить дѣятелемъ, пока не выработаетъ въ себѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія, систематичность котораго помогла бы ей осмыслить ея активную дѣятельность. Она дѣйствительно находитъ спасительную пристань въ отвлеченныхъ системахъ Запада, которыя поддерживаютъ въ ней ея идеализмъ, успокаиваютъ ее, даютъ опти-

листическое направленіе ея настроенію и, въ концѣ-концовъ, приводятъ ее къ примиренію съ жизнью на почвѣ активной борьбы за извѣстное количество установившихся идеаловъ».

Какъ бы то ни было, въ этомъ увлеченіи нѣмецкимъ идеализмомъ видны большіе запросы русской интеллигенціи. Она очевидно искала той истинной полноты жизни, которая невозможна безъ философскаго, вполнѣ яснаго и опредѣленнаго міросозерцанія. И одно время она почувствовала себя счастливой. Заковавшись въ броню нѣмецкихъ системъ, штудируя Гегеля и Шеллинга, проводя дни и ночи за чтеніемъ ихъ несовсѣмъ-то удобоваримыхъ произведеній, она ощущала и полноту жизни, и радостное сознаніе, что все вокругъ нея ясно и понятно. Was ist — ist vernünftig — «существующее разумно», — такова была излюбленная формула, возлѣ которой концентрировались всѣ интересы мысли и чувства. Ея держались немалое время даже такіе горячіе люди какъ Бѣлинскій, хотя къ нимъ-то она ужь совсѣмъ не подходила. Что требовалось отъ истаго гегельянца?—Развить всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, стремиться къ совершенству, взобраться на верхнюю ступень лѣстницы развитія и созерцать величественную красоту бытія. А общество, а жертвы исторіи, а страданія милліоновъ? «Нечего, говоритъ Гегель, проливать слезы и жаловаться, что хорошимъ и нравственнымъ людямъ часто и даже большею частью плохо живется, тогда какъ дурнымъ и злымъ—хорошо». Это необходимо, міръ таковъ, какимъ онъ долженъ быть: разумъ прекрасно пользуется для своихъ цѣлей какъ страданіями, такъ и радостями людей, и не все-ли равно, будутъ-ли то страданія или радости, разъ Абсолютъ достигъ своей цѣли самопознанія.

Въ этомъ фактѣ, что лучшіе представители молодого и въ сущности еще мало жившаго народа страстно набрасываются на систему, которая, какъ у Гегеля, провозглашаетъ завершеннымъ круговоротъ міра и гордо говоритъ, что дальше некуда, да и не зачѣмъ идти,—есть что-то трогательное. Молодое, еще не жившее общество, полное неясныхъ надеждъ и несознанныхъ силъ, какъ бы хочетъ отказаться отъ дѣятельности и погрузиться въ одно созерцаніе. Но очевидно, что такъ дѣло продолжаться не могло. Реакція противъ безусловнаго господства нѣмецкаго идеализма должна была начаться съ какой нибудь стороны, и дѣйствительно она скоро началась, только не съ одной, а сразу—съ нѣсколькихъ.

Во-первыхъ, ученіе Шеллинга и Гегеля о народностяхъ заставило русскихъ людей призадуматься надъ вопросомъ: зачѣмъ-же су-

ществуютъ они сами, зачѣмъ и къ чему эта многомилліонная Россія представляющая изъ себя во всякомъ случаѣ очень внушительны видъ? По теоріи Шеллинга: «каждая народность обязана выполнит какую нибудь самостоятельную миссію, осуществить какую нибуд идею во всемірно-исторической жизни человѣчества. Въ зависимост отъ того—мелкую или крупную идею безусловнаго разума выполнит народъ, онъ получаетъ свое значеніе во всемірной исторіи. Есл народъ внесетъ крупный вкладъ въ сокровищницу общечеловѣческо цивилизаціи, — онъ дѣлается первенствующимъ, всемірно-историче скимъ, въ противномъ случаѣ онъ теряетъ свое значеніе, находитс въ положеніи второстепенныхъ народовъ и осуждается на постоянно духовное рабство у другихъ народовъ». Какова-же судьба Росс въ ряду другихъ народовъ человѣчества? Къ ней, какъ и ко всем славянскому міру, относились презрительно. Гегель считалъ герман цевъ избраннымъ народомъ, а гегеліанцы твердо вѣровали, чт «одинъ германецъ выработалъ въ себѣ человѣка, и другіе народ должны сперва сдѣлать изъ себя германца, чтобы научиться от него быть человѣкомъ». Хорошо, но обидно. Прибавьте къ выше сказанному еще слѣдующія слова самого Гегеля: «славяне должн быть выпущены въ нашемъ изложеніи, ибо они представляютъ из себя нѣчто среднее между европейскимъ и азіатскимъ духомъ, и по тому ихъ вліяніе на постепенное развитіе духа не было достаточн дѣятельно и важно, несмотря на то, что ихъ исторія разнообрази переплетается съ исторіей Европы и сильно въ нее вторгается». Ещ лучше, яснѣе, но еще обиднѣе.

Реакція противъ такого высокомѣрія должна была начатьс тѣмъ болѣе что нѣмцы доходили дотого, что начинали дѣлить чел вѣчество на два разряда: «die Menschen und die Russen»—люд и русскіе. Ученіе о народности было первымъ стимуломъ къ борьб съ безусловнымъ господствомъ нѣмецкаго идеализма. (См. Ми Бор...нъ. «Происхожденіе славянофильства».)

На сцену выступили славянофилы.

Во-вторыхъ. Реакція противъ Гегеля и Шеллинга, въ особе ности перваго, шла со стороны сердца. Въ этомъ виновато ученіе личности, которую Гегель низводилъ до нуля, знать не хотѣлъ е радостей и страданій и презиралъ вопросы о ея счастьи и несчаст Бѣлинскій энергично потребовалъ, чтобы ему отдали отчетъ во всѣх жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайносте суевѣрія, инквизиціи Филиппа II. Онъ не хотѣлъ счастья и даро если не будетъ «спокоенъ насчетъ каждаго изъ своихъ собратій

крови». Страданіе есть зло и не должно быть жертвъ случайностей и исторіи. Смѣлая мысль горячаго любящаго сердца не мирилась съ пантеистическимъ равнодушіемъ гегеліанства.

Какъ бы на помощь этой точкѣ зрѣнія явились различныя ученія изъ Франціи. Ихъ принято называть вредными, что-же—не въ названіи дѣло — присвоимъ и мы имъ этотъ эпитетъ. Итакъ появились вредныя ученія. Въ сороковыхъ годахъ начинается уже чувствоваться вліяніе Жоржъ Занда, П. Леру, Сенсимонистовъ вообще. Прекрасно говоритъ объ этомъ Достоевскій:

«Появленіе Жоржъ Зандъ въ литературѣ совпадаетъ съ годами моей первой юности, и я очень радъ теперь (1876 г.), что это такъ уже давно было, потому что теперь, слишкомъ тридцать лѣтъ спустя, можно говорить почти вполнѣ откровенно. Надо замѣтить, что тогда только это и было позволено,—т. е. романы, остальное все, чуть не всякая мысль, особенно изъ Франціи, было строжайше запрещено. О, конечно, весьма часто смотрѣть не умѣли, да и откуда бы могли научиться: и Меттернихъ не умѣлъ смотрѣть, не то что наши подражатели. А потому и проскакивали «ужасныя вещи», напримѣръ проскочилъ весь Бѣлинскій... Но романы все-таки дозволялись, и сначала, и въ срединѣ, и даже въ самомъ концѣ, и вотъ тутъ-то, и именно на Жоржъ-Зандѣ оберегатели дали тогда большого маха... Надо замѣтить и то, что у насъ, несмотря ни на какихъ Магницкихъ и Липранди, еще съ прошлаго столѣтія, всегда тотчасъ же становилось извѣстнымъ о всякомъ интеллектуальномъ движеніи въ Европѣ, и тотчасъ же изъ высшихъ слоевъ нашей интеллигенціи передавалось и массѣ хотя чуть-чуть интересующихся и мыслящихъ людей. Точь-въ-точь то же произошло и съ европейскимъ движеніемъ тридцатыхъ годовъ. Объ этомъ огромномъ движеніи европейскихъ литературъ, съ самаго начала тридцатыхъ годовъ, у насъ весьма скоро получилось понятіе. Были уже извѣстны имена многихъ новыхъ явившихся ораторовъ, историковъ, трибуновъ, профессоровъ. Даже, хоть отчасти, хоть чуть-чуть извѣстно стало и то, куда клонитъ все это движеніе. И вотъ особенно страстно это движеніе проявилось въ искуствѣ — въ романѣ, а главнѣйшее — у Жоржъ-Занда. Правда, о Жоржъ-Зандѣ Сенковскій и Булгаринъ предостерегали публику еще до появленія ея романовъ на русскомъ языкѣ. Особенно пугали русскихъ дамъ тѣмъ, что она ходитъ въ панталонахъ, хотѣли испугать развратомъ, сдѣлать ее смѣшной. Сенковскій, самъ же собиравшійся переводить Жоржъ-Занда въ своемъ журналѣ «Библіотека для Чтенія», началъ называть ее печатно г-жей Егоромъ Зандомъ, и кажется

серьезно остался доволенъ своимъ остроуміемъ. Впослѣдствіи, въ 48 году, Булгаринъ печаталъ объ ней въ «Сѣверной Пчелѣ», что она ежедневно пьянствуетъ съ Пьеромъ Леру у заставы и участвуетъ въ аѳинскихъ вечерахъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, у разбойника министра внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Роллена. Я это самъ читалъ и очень хорошо помню. Но тогда, въ 48 году, Жоржъ-Зандъ была у насъ уже извѣстна почти всей читающей публикѣ и Булгарину никто не повѣрилъ... Мнѣ было, я думаю, лѣтъ шестнадцать, когда я прочелъ въ первый разъ ея повѣсть «Ускокъ», — одно изъ прелестнѣйшихъ первоначальныхъ ея произведеній; я помню, я былъ потомъ въ лихорадкѣ всю ночь... Жоржъ-Зандъ не мыслитель, но это одна изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ (если только позволено выразиться такою кудрявою фразою) болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество, въ достиженіи идеаловъ котораго она бодро и великодушно вѣрила всю жизнь и именно потому, что сама, въ душѣ своей, способна была воздвигнуть идеалъ. Сохраненіе этой вѣры до конца обыкновенно составляетъ удѣлъ всѣхъ высокихъ душъ, всѣхъ истинныхъ человѣколюбцевъ... Она основывала свои убѣжденія, надежды и идеалы на нравственномъ чувствѣ человѣка, на духовной жаждѣ человѣчества, на стремленіи его къ совершенству и къ чистотѣ, а не на муравьиной необходимости. Она вѣрила въ личность человѣческую безусловно (даже до безсмертія ея), возвышала и раздвигала представленіе о ней всю жизнь свою — въ каждомъ своемъ произведеніи, и тѣмъ и признавала ея свободу. Жоржъ-Зандъ вѣрила въ будущее человѣчества, вѣрила въ грядущее счастье, и для многихъ русскихъ людей 40-хъ годовъ ея романы были великолѣпной демократической школой».

Читатель быть можетъ недоумѣваетъ, зачѣмъ говорили мы о Гегелѣ и Шеллингѣ, Леру и Жоржъ-Зандѣ. Однако мы не дѣлали ничего другаго, какъ только разсказывали исторію паденія журнала Сенковскаго. Вѣдь въ сущности какъ бы ни относились мы къ нѣмецкому идеализму, надо согласиться, что онъ вышколилъ русскую мысль, влилъ ее въ самый круговоротъ интеллигентной жизни Запада и пріучилъ ее къ такимъ запросамъ, которые раньше не мерещились ей и во снѣ. Самое увлеченіе этимъ идеализмомъ, увлеченіе подчасъ наивное, дѣтское—все же говоритъ намъ о серьезной работѣ дня, происходившей въ лучшей части русскаго общества, а реакція противъ Шеллинга и Гегеля свидѣтельствуетъ о еще болѣе интересномъ обстоятельствѣ. Русская мысль демократизировалась — это фактъ громадный и несомнѣнный. Демократизировалась въ славяно-

фильствѣ, искавшемъ сближенія съ народомъ и вѣровавшемъ въ эту темную и запуганную массу, демократизировалась въ западничествѣ, быстро перешедшемъ на точку зрѣнія Леру, Ж.-Занда и пр. Что-же при такомъ ходѣ дѣла оставалось Сенковскому и его журналу? Приходилось отступать, сохраняя по возможности честь и славу, къ сожалѣнію только по возможности.

«Библіотеку для Чтенія» убили «Отечественныя Записки». Это совершенно справедливо; но не то интересно, интересно: почему убили? А это ужь кажется яснѣе самаго дня.

«Отечественныя Записки», съ того времени какъ началъ работать въ нихъ Бѣлинскій,—первый русскій журналъ, въ которомъ мы совершенно ясно различаемъ и идею, и направленіе. Въ смутной формѣ то и другое можно различить и въ «Московскомъ Телеграфѣ», но именно въ смутной.

Мы уже видѣли, что русскому обществу суждено было демократизироваться. Но рядомъ съ этимъ происходила еще болѣе удивительная и глубокая перемѣна. Проблуждавъ долгіе годы по дебрямъ нѣмецкаго идеализма, русскій человѣкъ, выйдя изъ нихъ, сознаъ себя членомъ общества, не просто подданнымъ государства, какъ было раньше, а именно членомъ общества. Онъ вдругъ увидѣлъ, что у него есть обязанность, нравственный даже долгъ содѣйствовать счастью и благополучію той среды, въ которой онъ живетъ. Его убѣжденія, его литературные взгляды радикально измѣнились. Тамъ, гдѣ прежде онъ искалъ одного наслажденія и отдыха, гдѣ прежде онъ молился одной красотѣ,—онъ сталъ искать идеи и общественной тенденціи.

Ничего этого не давалъ ему Сенковскій. Напротивъ, съ какимъ-то ожесточеніемъ нападалъ онъ на всякую мысль съ общественнымъ содержаніемъ. Къ тому-же пріѣлись и его шуточки. «Отечественныя Записки» рядомъ съ богатымъ и интереснымъ матеріаломъ, благодаря статьямъ Бѣлинскаго, удовлетворяли умственному и нравственному запросу современниковъ. Вопросъ объ общественной роли личности былъ главнымъ ихъ вопросомъ. А этотъ вопросъ былъ поставленъ временемъ, которое и обезпечивало побѣду тому, кто вѣрно пойметъ его потребности. Для ясности, сравните на минуту Сенковскаго съ Бѣлинскимъ. Бѣлинскій — сама вѣра, само упованіе. Если онъ грѣшилъ чѣмъ, то скорѣе излишествомъ вѣры, особенно въ молодые годы, чѣмъ недостаткомъ ея. Героическая страстная вѣра въ добро, красоту и истину, нетерпѣливое ожиданіе ихъ воцаренія на землѣ—вотъ портретъ нашего великаго критика. А Сенковскій? Ег

бездушный холодный смѣхъ, его остроуміе, такъ привязанное къ фокусамъ, къ чисто внѣшней ловкости, можетъ вывести изъ себя каждаго. Правда, онъ признавалъ просвѣщеніе и весь былъ на сторонѣ культуры, но холодный себялюбивый скептицизмъ ни на минуту не покидалъ его. Презирая современниковъ, презирая общество среди котораго онъ жилъ, онъ безъ стѣсненія третировалъ его. «Третировалъ», говорю я, и не могу подобрать лучшаго слова. Что же означаетъ иначе насмѣшка, внезапно прерывающая дѣловое разсужденіе, къ чему сотни и тысячи дерзкихъ выходокъ въ «Литературной лѣтописи»? Не то чтобы Сенковскій недостаточно серьезно занимался своимъ дѣломъ; онъ просто недостаточно вѣровалъ въ него. Никогда не захватывало оно цѣликомъ его души, онъ какъ будто шутилъ, какъ будто съ презрѣніемъ выбрасывалъ многочисленной публикѣ и многочисленной толпѣ своихъ поклонниковъ богатые куски отъ своей умственной трапезы. Онъ забавляется ихъ недоумѣніемъ, онъ любитъ возбудить въ нихъ интересъ, расшевелить ихъ любопытство, а потомъ поставить многоточіе въ томъ или другомъ видѣ, точно говоря: «что хочу, то съ вами и дѣлаю».

Публика пресытилась его шутками, осротами, дерзостью. Ей надоѣло, что Сенковскій пишетъ ради писанія и остритъ ради остроты. Ктому же онъ очевидно уставалъ. Тяжелая карьера журналиста разстроила его здоровье, надорвала его силы. По старой памяти онъ продолжалъ смѣяться, но это уже старческій, дѣланный, никому ненужный смѣхъ...

V.

Семейная жизнь Сенковскаго. — Воспоминанія Ахматовой. — Надорванныя силы.—Послѣдняя вспышка таланта.—Смерть.

Мы такъ много говорили о Сенковскомъ, какъ журналистѣ, что теперь не грѣхъ будетъ посвятить маленькую главу его семейной жизни. Мы бы не безъ удовольствія посвятили и бо́льшую, но къ сожалѣнію у насъ нѣтъ для этого никакихъ матеріаловъ. Правда, вторая супруга Сенковскаго, Адель Александровна, написала о мужѣ цѣлый томъ воспоминаній; но воспоминанія эти настолько «дамскія», что, несмотря на самое искреннее желаніе, было-бы очень опасно положиться на нихъ. Тѣмъ болѣе что изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что Адель Александровна была дама очень капризная и, не говоря уже о всѣмъ дамамъ свойственномъ стремленіи разсуждать о человѣкѣ по правилу «не по хорошу милъ, а по милу хорошъ», — она, къ довершенію всего, была въ такомъ постоянномъ и искреннемъ

восторгѣ отъ своего мужа, что отъ чистаго сердца считала его самымъ великимъ человѣкомъ своего времени. Согласитесь, что, зная все это, очень трудно вѣрить воспоминаніямъ Адели Александровны.

Есть у насъ о Сенковскомъ еще и другія, тоже дамскія воспоминанія, принадлежащія Е. Ахматовой. Къ сожалѣнію и эти похожи на панегирикъ. Но все-же г-жѣ Ахматовой можно довѣрять побольше. Относясь скептически къ панегирику, мы, на основаніи другихъ мѣстъ и кое-какихъ фактовъ, можемъ возстановить образъ Сенковскаго, какъ человѣка. Странный человѣкъ, мало общительный, мало доступный, проникнутый невѣріемъ и горделивымъ презрѣніемъ ко всему, неутомимый умъ и нѣсколько «фантастическое» сердце, настойчиво ищущее грезъ и мечтанія среди ясно понимаемой дѣйствительности.

Самыя отношенія Сенковскаго къ Ахматовой очень любопытны. Дѣло было такъ: Е. А. Ахматова, молоденькая провинціальная дѣвушка, жившая въ Астрахани, написала какъ-то письмо къ Сенковскому съ просьбою дать ей переводную работу и въ видѣ образчика приложила уже переведенный романъ или повѣсть. Письмо, надо полагать, было милое и наивное, одно изъ тѣхъ писемъ, которыя могутъ писать провинціальныя дѣвушки къ знаменитымъ столичнымъ дѣятелямъ. Въ немъ было по всей вѣроятности и томленіе и исканіе, и простота, и откровенность. Любопытная вещь—Сенковскій сразу увлекся, почти влюбился въ эту неизвѣстную ему авторшу письма,—и какой поэзіей и вмѣстѣ съ тѣмъ какой тоской вѣетъ отъ его отвѣтовъ Е. А. Ахматовой. Сухой, дѣловитый человѣкъ, сатирикъ и скептикъ, вдругъ обрѣлъ въ глубинѣ души что-то «романтическое». Отъ письма на него будто пахнуло чистой струей деревенской жизни, свѣжимъ воздухомъ, его фантазія увлекалась образомъ гдѣ-то далеко-далеко живущей дѣвушки, и сколько откровенности и задушевности вложилъ онъ въ свою переписку съ ней.

Впослѣдствіи Е. Ахматова пріѣхала въ Петербургъ. У Сенковскихъ она бывала каждый день, такъ что ихъ жизнь была извѣстна ей хорошо. Правда, она застала уже Сенковскаго въ періодѣ упадка его славы и богатства. Давно прекратились лукулловскіе обѣды, жизнь безъ разсчета, равнодушное бросаніе тысячъ направо и налѣво, но все-же Сенковскій еще держался.

Приведемъ кое-какіе отрывки изъ воспоминаній Ахматовой, особенно тѣ, которые относятся къ семейной жизни Сенковскихъ.

«Начать съ того, что Адель Александровна никогда не знала самой важной тайны въ жизни мужа, а именно, что онъ женился на

ней изъ любви къ другой. Онъ любилъ не Адель Александровну, а ея подругу, которая, зная любовь Адели Александровны къ нему и сама не любя его, пожелала этого брака, чтобы составить счастіе Адели Александровны, съ которою была очень дружна. Осипъ Ивановичъ не только исполнилъ желаніе любимой женщины, но далъ ей слово, что Адель Александровна будетъ считать себя самою счастливою на свѣтѣ женою. Этому обѣщанію онъ никогда не измѣнялъ.

Адель Александровна унесла съ собою въ могилу увѣренность, что не только счастливѣе ея не было жены на свѣтѣ, но что она и любима была такъ, какъ никто. Разъ взявъ на себя роль обожающаго свою жену мужа, Осипъ Ивановичъ не имѣлъ настолько твердости характера, чтобы сбросить съ себя эту роль, когда впослѣдствіи она пришлась для него слишкомъ тяжелой.

Первое время онъ увлекся ею, потому что Адель Александровна была страстно влюблена въ него и умѣла льстить его тщеславію, восхищаясь имъ; но когда та, которая пожелала этого брака, вскорѣ умерла, Осипъ Ивановичъ самъ опасно занемогъ и чуть не умеръ: такъ велика была его привязанность къ женщинѣ, которой онъ необдуманно принесъ жертву, испортившую его жизнь. Отсюда начинается его лихорадочная дѣятельность по устройству разныхъ квартиръ, дачъ и проч., о чемъ говоритъ его жена въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Онъ просто тяготился домашнею жизнью и желалъ какъ можно менѣе времени проводить съ своей женою, но, исполняя данное слово, тѣшилъ ее всячески, изобрѣтая всякія развлеченія, что она принимала за любовь.

Будь у Адели Александровны другой характеръ и другой складъ ума,—она не только пріобрѣла-бы любовь мужа, но и его литературная дѣятельность приняла-бы иной видъ. Но Адель Александровна, дочь банкира Ралля, извѣстнаго своимъ гостепріимствомъ къ пріѣзжавшимъ изъ чужихъ краевъ артистамъ, которые даже жили въ его домѣ и на его счетъ, была иностранка по своему воспитанію и по складу своего ума. Русскою литературою она совсѣмъ не интересовалась, а когда, уже въ пожилыхъ лѣтахъ, вздумала писать повѣсти, то писала ихъ на французскомъ языкѣ. Главною ея страстью была музыка, и въ домѣ Осипа Ивановича музыка, а не литература, играла главную роль.

Осипъ Ивановичъ былъ уступчивъ, мягокъ и податливъ, и черезъ это Адель Александровна привыкла преимущественно думать о себѣ. Она не только не скрывала этого, она этимъ гордилась, и на осно-

ваніи безпрерывныхъ угожденій мужа считала себя въ правѣ такъ поступать.

«Сойдясь съ Сенковскими—говоритъ Е. Ахматова—коротко и видя, какъ безжалостно приносится въ жертву спокойствіе Осипа Ивановича изъ за пустыхъ прихотей и капризовъ, признаюсь, я осуждала его въ душѣ, приписывая его несчастную семейную жизнь, раздираемую запальчивыми придирками изъ-за разнаго вздора непростительной слабости съ его стороны; но потомъ я удостовѣрилась, что бываютъ такіе характеры, съ которыми подѣлать ничего нельзя. Адель Александровна забрала себѣ въ голову нелѣпое убѣжденіе, положительно мѣшавшее Осипу Ивановичу заниматься настоящимъ дѣломъ, что у ея мужа нѣтъ большаго счастія, какъ все терпѣть, все переносить, только-бы ей было хорошо.

«Онъ помнилъ, что она была дочь богатаго банкира, привыкла къ роскоши, и хотя не получила отъ отца приданаго, потому что баронъ Ралль уже разорился, когда Адель Александровна выходила замужъ, Осипъ Ивановичъ исполнялъ ея малѣйшія прихоти, не жалѣя для этого ни денегъ, ни стараній, ни заботъ.

«Какъ онъ могъ думать о сближеніи съ литераторами, когда его жена, передъ которою все преклонялось въ домѣ, начиная съ него самого, была исключительно настроена на музыкальный ладъ. Она ровно ничего не понимала въ русской литературѣ, не читала ничего по русски, кромѣ «Библіотеки для Чтенія» и сочиненій своего мужа, и безусловно восхищалась тѣмъ и другимъ. Будь на ея мѣстѣ женщина съ такимъ-же умомъ и съ такимъ вліяніемъ на мужа, но съ меньшимъ тщеславіемъ и изъ русскаго семейства, «Библіотеку для Чтенія» не постигла бы такая участь, и Осипъ Ивановичъ имѣлъ-бы кругъ преданныхъ ему друзей. Она сама хвалилась мнѣ, что Осипъ Ивановичъ безъ ея разрѣшенія не можетъ никого пригласить къ себѣ, и что когда на дачу къ нимъ лѣтомъ долженъ былъ пріѣхать знаменитый віолончелистъ Серве, приглашенный по ея желанію, она, вставъ въ то утро не въ духѣ, объявила мужу, что если Серве пріѣдетъ, то она выгонитъ его. Опасаясь скандала, потому что Адель Александровна была вполнѣ способна сдержать свое слово, Осипъ Ивановичъ долженъ былъ чуть не на колѣняхъ упрашивать ее.

«Для человѣка, который не хочетъ разойтись съ женой, а напротивъ—заботится о ея счастіи, ничего болѣе не оставалось какъ потакать ей во всемъ. Имѣя дѣло съ такимъ необузданнымъ характеромъ, не стѣснявшимъ себя ни въ чемъ, Осипъ Ивановичъ могъ принимать у себя только тѣхъ, кого хотѣла принять его жена, да и то,

какъ видно, не всегда. Могъ-ли онъ думать о сближеніи съ литераторами, когда въ русской литературѣ одни его сочиненія интересовали его жену? Она спохватилась, когда «Библіотека для Чтенія» пришла въ упадокъ, но было уже поздно, и ея усилія ни къ чему не привели».

Одинаково любя и музыку, и литературу, Осипъ Ивановичъ, въ угоду женѣ, окружилъ себѣ музыкантами, изобрѣталъ инструменты, занимаясь литературой какъ диллетантъ. Даже восторги Адели Александровны ко всему, что писалъ Осипъ Ивановичъ, по-моему, только сбивали его съ толку, потому что, не щадя ни въ чемъ спокойствія своего мужа, не пожертвовавъ для него никогда ни малѣйшею своею прихотью, и не только своею, но и своихъ музыкальныхъ друзей, въ угоду которымъ удобства Осипа Ивановича, какъ хозяина дома, считались ни во что, Адель Александрова постоянно льстила его самолюбію, восхищалась каждою его строчкою и воспѣвала ему восторженныя похвалы. Для нея мужъ былъ первый геній на свѣтѣ, а она—его обожаемая жена.

Но особенно трудно стало Сенковскому, когда Адель Александровна восчувствовала страсть къ писанію романовъ и повѣстей. Не угодить ей въ этомъ случаѣ было никакъ невозможно. Первая повѣсть супруги была поднесена Осипу Ивановичу въ качествѣ сюрприза и волей-неволей пришлось напечатать ее. Однако печатать въ томъ видѣ, какъ она была написана, было нельзя. Сенковскій передѣлалъ ее всю. Тоже самое повторялось постоянно. Получивъ листки отъ Адели Александровны, Сенковскій аккуратно вычеркивалъ каждую строчку отъ первой до послѣдней и вмѣсто вычеркнутыхъ писалъ свое собственное. Адель Александровна приходила въ восторгъ и только удивлялась, какъ это Осипъ Ивановичъ такъ хорошо угадалъ именно то, что она хотѣла сказать.

Однако «Библіотека для Чтенія» продолжала падать, падало и здоровье Сенковскаго. Ему пришлось измѣнить образъ жизни. Въ 1846 году онъ, по совѣту врачей, провелъ четыре мѣсяца за границей, въ 1847 году уѣзжалъ на лѣто въ Москву. Работать попрежнему онъ уже не могъ, да и нельзя было работать попрежнему, такъ какъ обстоятельства со дня на день становились суровѣе и безпощаднѣе.

«То время, вспоминаетъ Ахматова, какъ я принимала дѣятельное участіе въ «Библіотекѣ для Чтенія», съ конца 1848 года до конца 1851 г., было самое тяжелое въ цензурномъ отношеніи. Невозможно себѣ представить всѣхъ придирокъ и притѣсненій, которыя выно-

сила тогдашняя журналистика. Было много и смѣшного. Осипъ Ивановичъ перевелъ изъ одного англійскаго журнала небольшой разсказъ какого-то путешественника, который, спасаясь отъ медвѣдя въ американскомъ лѣсу, взлѣзъ на дерево и вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ большою обезьяною съ палкой. Статью эту цензоръ не пропустилъ. Осипъ Ивановичъ поѣхалъ самъ узнать причину. Оказалось, что статья эта была принята за сочиненіе Осипа Ивановича; дерево, путешественникъ и медвѣдь, по мнѣнію цензора, изображали Австрію, Венгрію и Россію, а большая обезьяна съ палкой — такое лицо, которое цензоръ даже и назвать не смѣлъ.

«Осипъ Ивановичъ долженъ былъ представить въ цензурный комитетъ оригиналъ переведенной статьи—и тогда она была дозволена.

«Не могу не разсказать при этомъ забавный случай съ одною повѣстью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Я не помню теперь ея содержанія, но рѣчь шла о Руссо и Дюбари. Можно себѣ представить ужасъ г. Очкина, издававшаго тогда «С.-Петербургскія Вѣдомости», когда цензоръ придѣлалъ къ повѣсти свой собственный конецъ — обвѣнчалъ Руссо съ Дюбари. — Нравственность этого требуетъ, ужь очень обращеніе было вольно,—пояснялъ онъ.

«Разумѣется, повѣсть не была помѣщена.

«Это напоминаетъ мнѣ другой подобный случай съ какою-то комедіею или водевилемъ, гдѣ за одною вдовою волочился какой-то ловеласъ. Цензоръ заставилъ сказать его «въ сторону», то есть обращаясь къ зрителямъ, во время нѣжныхъ объясненій со вдовой: «а я все-таки намѣренъ на ней жениться».

«Въ «Путешествіи въ Іерусалимъ», не помню чьемъ, авторъ замѣтилъ, что смоковницы возлѣ города тощи и имѣютъ жалкій видъ. Цензоръ зачеркнулъ эти слова и написалъ сбоку: «А можетъ быть подъ однимъ изъ этихъ деревьевъ отдыхалъ Спаситель».

«Но къ цензурѣ еще было не привыкать-стать. Въ 1848 году Сенковскій захворалъ холерой, и эта болѣзнь окончательно подточила его, и такъ уже разстроенное здоровье. Онъ почти совершенно оставилъ «Библ. для Чтенія» и даже сталъ равнодушно относиться къ когда-то излюбленному своему дѣтищу. Редакцію пришлось передать въ другія руки. Больной, изможженный, утерявъ всѣ силы и здоровье, Сенковскій съ этого времени не живетъ уже, а только влачитъ существованіе. Онъ надорвался въ журнальной работѣ, онъ слишкомъ самоувѣренно смотрѣлъ впередъ. И теперь, какъ прежде, онъ былъ одинъ. Одиночество погубило его журналъ, одиночество отравило послѣдніе годы его жизни. Страдая отъ обязательнаго без-

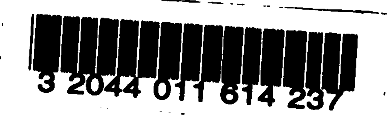
дѣлья, онъ старался выдумать себѣ какую нибудь заботу, изобрѣталъ музыкальные инструменты, занимался фотографіей, выдумывалъ какую-то особенную мебель. Но это — внѣшность; внутри все больше назрѣвала тяжелая мысль о даромъ потраченной жизни, о даромъ потраченныхъ силахъ. «Что останется послѣ меня?» спрашивалъ онъ, и съ ужасомъ отвѣчалъ самъ себѣ: «ничего!..»

«Не надолго, въ концѣ жизни, еще разъ вспыхнулъ его талантъ. Въ «Сынѣ Отечества» съ 1856 г. стали появляться его фельетоны съ подписью Брамбеусъ-Redivivus — ожившій Брамбеусъ. Веселыя, остроумныя, бойкія разсужденія обо всемъ, къ сожалѣнію очень неглубокія. Ихъ писалъ умирающій. Умирало тѣло, духъ попрежнему безпокойно метался.

«Можно представить себѣ мое удивленіе, продолжаетъ Ахматова, когда Осипъ Ивановичъ, больной и слабый, но въ тотъ день чувствовавшій себя лучше, поручилъ мнѣ съѣздить къ А. А. Краевскому и предложить ему издавать вмѣстѣ съ нимъ большую политическую газету. Я не вѣрила ушамъ. Я помнила, какъ «Отечественныя Записки» преслѣдовали не только «Библіотеку для Чтенія», но и самого Осипа Ивановича, и сказала ему прямо, что не желаю подвергать его унизительному отказу. Онъ добродушно засмѣялся.

«Будьте спокойны, отказа не будетъ», сказалъ онъ.

«Но я такъ мало знала закулисную сторону журнальнаго дѣла, что простодушно вѣрила въ искренность нападокъ «Отечественныхъ Записокъ» на Осипа Ивановича, и очень неохотно взялась за возложенное на меня порученіе. Но и велико же было мое торжество: А. А. Краевскій пришелъ въ положительный восторгъ, хотѣлъ съ большими пожертвованіями отказаться отъ изданія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и отвѣтилъ мнѣ, что согласенъ на всѣ условія, какихъ ни пожелалъ-бы Осипъ Ивановичъ. Стало быть, великъ былъ талантъ Сенковскаго, когда даже литературный врагъ такъ его цѣнилъ! Планъ новой газеты былъ уже составленъ, свиданіе «Александра съ Наполеономъ», какъ выразился А. А. Краевскій, назначено у меня, но болѣзненное состояніе Осипа Ивановича все ухудшалось, и 4 марта 1858 года его не стало»...

3 2044 011 614 237